

ВИКТОРИЯ АЛЕКСАНДЕР

ДА БУДЕТ
ЛЮБОВЬ!

МИНИШАРМ

Виктория Александер
Да будет любовь!
Серия «Эффингтоны-Шелтоны», книга 11

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176432
Да будет любовь! : роман / Виктория Александер; пер. с англ. Э.Г. Коновалова: АСТ, АСТ Москва;
Москва; 2009
ISBN 978-5-17-075641-4, 978-5-271-37737-2

Аннотация

Легкомысленный красавиц Джонатон Эффингтон, маркиз Хелмсли, соблазнил немало светских дам. Вот уже несколько лет он поддерживал интересную традицию – на рождественском балу выбирал женщину и проводил с избранницей весь ближайший год. А потом без сожаления расставался.

Но на сей раз все пошло не так. Прелестная Фиона Фэрчайлд, ставшая объектом его внимания, совершенно неожиданно предложила ему вступить с ней в законный брак...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	19
Глава 3	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Виктория Александер

Да будет любовь!

С чувством глубокой любви посвящаю эту книгу моему дорогому другу Бобу Гилуму, который наконец нашел героиню своего романа. Будь счастлив, ты это заслужил.

Пролог

Декабрь 1853 года

– Сегодня мы представляем собой довольно мрачную компанию. – Оливер Лейтон, граф Норкрофт, окинул неторопливым взглядом друзей, собравшихся в салоне клуба.

– Как тут не быть мрачным? – отозвался Найджел Кавендиш, сын виконта Кавендиша, угрюмо глядя на свой бокал. – Жизнь несется вперед, и еще один год подходит к своему завершению. Мы постарели на целый год и еще на шаг приблизились к неизбежному финалу, который ожидает нас всех.

– Не люблю появляться в середине разговора. – Джонатон Эффингтон, маркиз Хелмсли и наследник герцога Роксборо, опустился на свободное кресло и улыбнулся друзьям. Как всегда, от Хелмсли исходили оптимизм и благожелательность, которые одинаково притягательно действовали как на мужчин, так и на женщин. – Увы, выражения ваших лиц читаются так же легко, как страницы «Морнинг таймс». Полагаю, слово «фатум» фигурирует при разговоре о перспективе женитьбы?

– Что еще способно навести такую тоску на мужчину? – проговорил Гидеон Пирсолл, виконт Уортон, в типичной для него циничной манере, которую он довел до совершенства.

– В самом деле, что? – пробормотал Кавендиш.

Хелмсли удивленно вскинул бровь.

– Конечно, мы все согласны, что это наш долг – жениться и произвести наследников, чтобы передать титулы, имения, состояния, продолжить фамилию и так далее. Но согласитесь, страсть и желание – совершенно разные вещи. Женитьба – это пугающая перспектива, которую не может приветствовать ни один здравомыслящий мужчина. – Уортон подал знак внимательно наблюдающему за друзьями официанту, и тот мгновенно пополнил запасы спиртного. – А перспектива такова, что больше никто из нас не может от этого уклоняться.

Уортон был единственным, кто не уклонялся от этого полностью, но этот предмет, по неписаному соглашению, никогда не обсуждался.

– Не могу сказать, что я все еще хочу уклоняться от женитьбы, – мягко заметил Хелмсли.

– Разумеется, не можешь. – Оливер фыркнул. – Мы все видели, как ты бежал что было сил по проходу между рядами в церкви!

Хелмсли принял бокал из рук официанта.

– Просто я пока не нашел подходящей женщины.

– Подходящей? – Уортон возвел глаза к потолку. – Ты имеешь в виду женщину, которая воспламенит твое сердце?

– Не говоря о чреслах, – добавил Кавендиш.

– Женщину, которая заставит сосредоточить на ней все твое внимание? – с неким драматическим изыском добавил Оливер. – Что ж, это относится ко всем вам.

Хелмсли удивленно огляделся:

– Разве я не упоминал об этом раньше?

– Всякий раз, когда речь заходила о потенциальных невестах. – Уортон вздохнул. – Давайте посмотрим, способны ли мы припомнить все требования, предъявляемые к будущей леди Хелмсли: их достаточно много, насколько я знаю.

– Так и должно быть, – твердо заявил Хелмсли. – Моя жена в один прекрасный день станет герцогиней Роксборо, а этому статусу не так-то просто соответствовать.

– Равно как и статусу идеальной жены, – усмехнулся Оливер.

– Идеальная – понятие относительное, – заметил Уортон. – Каждый это понимает по-своему. Я, например, не считаю, что его требования рисуют идеальный образ.

Хелмсли поднял бокал, предлагая тост:

– За то, что подпадает под понятие идеального.

– Идеального? – Оливер фыркнул. – Твое понимание идеального больше походит на то, что здравомыслящий мужчина назовет скорее трудным.

Уортон издал продолжительный вздох.

– Все это самый настоящий вздор, не так ли?

– Да, и это меня страшно беспокоит, – мрачно заметил Кавендиш.

– В самом деле? – забеспокоился Хелмсли. – Может, я сейчас слишком много выпил?

– Это не исключено. – Уортон пожал плечами. – Подобные дискуссии об отношениях между мужчинами и женщинами и о том, что мы желаем и чего не желаем, обычно возникают в конце вечера после длительных возлияний. После того как мы подробно обсудили печальное состояние современной политики и перед тем как углубиться в рассуждения об истинном смысле существования, самое время перейти к подобным разговорам.

– Кажется, для этого не требуется избыточного возлияния, – пробормотал Кавендиш.

– Должен отметить, требования Хелмсли не слишком различаются, будь он изрядно выпивши или трезвый как стеклышко. Это говорит либо о его постоянстве, либо о банальном упрямстве. – Оливер внимательно посмотрел на своего друга.

Упрямство? Не так-то просто обнаружить с первого взгляда заложенное в характере упрямство. Джонатон Эффингтон имел привлекательную внешность, которую дополняли его благожелательность и дружелюбие. К этому добавлялись наличие у него титула, перспектив и семейное богатство. Оставалось лишь удивляться, почему Джонатон до сих пор не нашел невесты, которая полностью отвечала бы его ожиданиям. Конечно, недостатка в кандидатах на роль будущей герцогини Роксборо у него не было, но Хелмсли уже давно дал понять, что его не устраивает невеста покорная, чопорная и добродетельная во всех отношениях, каковую способно породить английское светское общество. Он заявил, что такая жена утомит его до слез, и Оливер не был уверен в том, что Хелмсли не прав. Кавендиш же считал, что от такой жены можно ожидать многих неприятностей.

– Итак, Хелмсли заявил, что он не желает иметь жену, которая абсолютно послушна и слепо ему во всем повинется. – Оливер поднял бокал. – Пощади его, милостивый Боже!

– Бог может пощадить, – рассудительно заметил Уортон. – А вот женщина с таким характером определенно не пощадит.

– Лично я не возражал бы против слепого повиновения. – Кавендиш несколько мгновений молчал, как бы взвешивая все «за» и «против». – Женщина, которая в точности выполняет то, что я желаю и когда я желаю, не задавая при этом неприятных вопросов, не столь уж и плоха. Я считаю, что это было бы наилучшим качеством в жене. – Он вдруг нахмурил брови. – В то же время я готов отчасти пожертвовать этим качеством в пользу внешности. Жена должна быть обязательно миловидной и, разумеется, из хорошей семьи, причем с приличным приданым.

– Ничто из этого не имеет большого значения, если ты решил прожить с этой женщиной всю жизнь, – с величественным видом изрек Хелмсли, после чего улыбнулся. – Конечно же, она должна быть симпатичной, но все остальное тоже не возбраняется.

– В конце концов, тебе придется спать с ней, не так ли? – Уортон задумчиво пригубил бренди. – Огромное состояние вряд ли сделает не слишком приятные лицо и фигуру более привлекательными.

Хелмсли энергично кивнул:

– Я тоже об этом подумал, но все равно ты сегодня циничен более обычного.

Уортон передернул плечами:

– Это неблагоприятное сезонное влияние, все добрые чувства выходят из-под контроля при такой погоде.

Присутствующие, включая самого Уортона, знали, что он любил разыгрывать роль прожженного циника. А кто ему возразит? Это было частью неписаного соглашения между давними друзьями – не разрушать иллюзии о самом себе, если в том нет чрезвычайной необходимости.

По всей вероятности, со стороны эти вылощенные джентльмены казались довольно необычной группой: несмотря на различие их общественного положения и возраста, они словно явились из отдаленных друг от друга цивилизаций. Склонный к цинизму Уортон, обладатель красивой внешности и тяготеющий к печальным размышлениям брюнет, являл собой полный контраст Кавендишу, который выглядел по-мальчишески задорно. Кавендиш то и дело попадал в любовные переделки, тогда как Хелмсли был среди них истинным оптимистом и любил добрую шутку, веселое пари и хорошую одежду. Что касается Оливера, то он неким странным образом сочетал в себе качества каждого из друзей.

Все они посещали одну и ту же школу, но по-настоящему стали друзьями недавно, когда сделались завсегдатаями одного и того же клуба и одних и тех же светских мероприятий. Дружба Оливера с Хелмсли началась с того времени, когда он весьма безуспешно домогался руки младшей сестры Хелмсли. Каким образом отношения всех четверых столь быстро перешли в крепкую дружбу, до сих пор оставалось для них предметом жарких споров.

Случались моменты, когда самым важным для приятелей оставалась честность. Бывали случаи, когда им приходилось закрывать глаза на некоторые неблагоприятные факты – преимущественно эти ситуации касались прекрасного пола, который традиционно является одной из возможных причин попадания в экстремальные ситуации и злоупотребления спиртным.

Был ли сейчас именно этот момент и требовалось ли проявить достаточную меру честности?

Оливер вздохнул.

– Джонатон Эффингтон, лорд Хелмсли, наследник герцога Роксборо, – Оливер направил обвиняющий перст в сторону друга, – ты, конечно, приятный человек, и...

– И тебя любят женщины, – подхватил Кавендиш, – но...

– Никаких «но». По-моему, это очень даже неплохо. – Хелмсли растянул губы в улыбке.

– Разве плохо быть приятным?

– А ты не заметил, – Уортон прищурился, – что это сводит всех нас с ума?

Хелмсли рассмеялся:

– Не говори вздор!

Оливер нахмурился:

– Когда ты прекращаешь связь с женщиной или перестаешь флиртовать с молодой леди, они, судя по всему, несколько не сердятся на тебя...

– Разумеется, не сердятся. А почему бы им... – неожиданно Джонатон замолчал. – Впрочем, что ты конкретно имеешь в виду?

Оливер понизил голос:

– Тебе когда-нибудь случалось разозлить женщину до такой степени, что она швыряла в тебя вазу?

– Или давала пощечины? – предложил Уортон. – Била изо всех сил?

– Бросала твою одежду в камин, и тебе не оставалось ничего другого, как тайком пробираться к карете, накинув на себя лишь прозрачный женский халат? – подхватил Кавендиш. – Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду...

– Не могу сказать, что вполне понимаю, – стоически возразил Хелмсли. – И не вижу ничего дурного в том, чтобы быть приятным.

– Но ведь чем-то ты пожертвовал ради того, чтобы быть приятным?

– Пожертвовал? – Брови Хелмсли взлетели вверх. – И чем же именно?

– Страстью. – В голосе Уортон послышалось сожаление.

Хелмсли фыркнул:

– Вздор, я...

– В твоих связях никогда не было страсти, старина, – наставительно произнес Оливер, – я хочу сказать, настоящей страсти.

– Но это же смешно! – В голосе Хелмсли слышалось возмущение. – Я переживал безграничную страсть и, можно сказать, весь пропитан страстью! Страсть буквально преследует меня. Я никогда не слышал жалоб на то, что мне недостает страсти. – Хелмсли быстро опорожнил бокал. – А вы говорите – недостаток страсти!

– Это не та страсть, – пояснил Оливер. – Мы говорим о страсти души, страсти сердца. Уортон кивнул.

– О любви, если хочешь знать.

Кавендиш поднял свой бокал.

– Да, о любви.

– О любви, Джонатон. – Оливер устремил на приятеля пристальный взгляд. – Впрочем, можешь называть это, как тебе нравится. Ты никогда не влюблялся без оглядки, никогда не был охвачен пожаром страсти. Вот почему вы с леди, с которой ты встретился взглядом, способны пойти разными дорогами, не бросая друг другу взаимных упреков.

– И без обещаний неумирающей любви. – Уортон небрежно махнул рукой. – Даже без угроз...

– Без того, что члены семьи клянутся идти по твоему следу хоть на край земли, чтобы разделать тебя, словно гуся, если ты... – Кавендиш поморщился. – К несчастью, такое случилось со мной...

Уортон неподвижно уставился на Кавендиша; в его глазах читалось одновременно и благоговение, и недоверие.

– Интересно, где только ты находишь для этого время...

Кавендиш усмехнулся:

– По правде сказать, я и сам не знаю.

– В этом нет ничего забавного, – мягко возразил Хелмсли. – Я в такой же степени страстный, как и вы, а может, даже больше. Просто я превращаю свои страсти в прозу.

Оливер сдержал улыбку: он знал, что Хелмсли воображает себя вторым Чарлзом Диккенсом, хотя пока опубликовал всего лишь единственное стихотворение. Крестный отец Хелмсли был весьма уважаемым издателем, а его мать писала приключенческие и любовные романы. Конечно же, он мог бы опубликоваться, но предпочитал предлагать свои опусы под вымышленным именем, желая, чтобы публика оценила его заслуги, а не семейные связи.

Неподкупность Хелмсли оставалась непоколебимой, хотя его гордость подвергалась болезненному испытанию.

– Вероятно, – Хелмсли задумчиво посмотрел на друзей, – не отсутствие страсти стало причиной ваших обвинений, а мое искусство и, могу прибавить, успех в общении с прекрасным полом.

Оливер и Уортон обменялись взглядами, а Кавендиш презрительно фыркнул.

– Просто пока ты не попадал в слишком скандальные ситуации.

– И не попаду. – Хелмсли поднялся и отвесил друзьям изысканный поклон. – Я настоящий джентльмен. Это сочетается с присущим мне обаянием и пониманием женской природы. По этой причине мы обходимся без взаимных упреков и дурацких обещаний, а также, – он задумчиво посмотрел на Кавендиша, – без угроз, если леди и я решили расстаться. Что касается идеальной невесты, то я в точности знаю, чего я хочу. Как только я найду ее, то не стану зря терять время и предложу ей стать моей женой. Это мое знание приносит мне удовлетворение, как и положено всякому знанию. – На губах Хелмсли мелькнула торжествующая улыбка. – Вот те мои достоинства, которые сводят вас с ума!

– В один прекрасный день, старик, ты со своей самоуверенностью потерпишь фиаско. – В голосе Уортон прозвучало что-то зловещее.

Дело было не в том, что Хелмсли вел себя лучше других, а в том, что он никогда не попадал в ситуации, из которых потом нужно выпутываться. Именно это качество вкупе с раздражающей тенденцией женщин немедленно все ему прощать, равно как и незаурядное везение создали Хелмсли светскую репутацию если не безупречного, то, во всяком случае, чрезвычайно респектабельного мужчины.

– Возьми, например, свои randevu, которые ты имел каждый год на семейном рождественском балу. – Уортон с любопытством посмотрел на Хелмсли. – Разве тебя не беспокоили бы возможные последствия, если бы кто-то узнал о твоей маленькой встрече?

Хелмсли на несколько мгновений задумался, затем пожал плечами и улыбнулся:

– Нет.

Всем давно было известно, что на ежегодном рождественском балу Хелмсли по традиции имел свидание с женщиной, которая ему приглянулась, в библиотеке Эффингтон-Хауса. При этом он каждый раз заявлял, что эти встречи достаточно невинны и состоят из беседы, шампанского, да еще, возможно, из нескольких легких объятий и одного-двух поцелуев. И уж точно ничего такого, что могло бы спровоцировать настоящий скандал или опозорить девственницу, никаких кувырканий на библиотечном ковре.

Подобные заявления делались с озорным блеском в глазах, а поскольку Хелмсли гордился своим благородством и тем, что он истинный джентльмен, никто, за исключением самих леди, не знал, что именно происходило в библиотеке Эффингтон-Хауса во время рождественского бала.

Итак, Джонатон Эффингтон, маркиз Хелмсли, наследник герцога Роксборо, ни разу не был застигнут врасплох, и это сводило его друзей с ума.

– Послушай, из простого любопытства позволь спросить, – с небрежным видом произнес Кавендиш, – кто та леди, которая окажется в библиотеке в этом году?

– Да, действительно, Хелмсли, скажи нам, – растягивая слова, подключился к беседе Уортон. – Кто эта счастливица?

– Не могу поверить, что вы спрашиваете о таких интимных вещах. Джентльмен никогда, ни при каких обстоятельствах не открывает имя леди! – Хелмсли укоризненно и как бы поддразнивая покачал головой. – Кроме того, – на его лице засветилась совсем не джентльменская улыбка, – до бала еще целая неделя.

Оливер недоверчиво хмыкнул:

– Стало быть, пока что леди нет...

– Будет, старина, непременно будет. – Хелмсли сделал выразительную паузу. – Не хотите заключить небольшое пари на эту тему?

Оливер покачал головой:

– Нет.

– С таким же успехом мы могли бы выбросить наши деньги на площади, – сухо добавил Уортон. – Но мы этого не сделаем.

Хелмсли засмеялся:

– На этой ноте я позволю себе пожелать вам всего доброго. До Рождества остается лишь неделя, и у меня непечатый край работы.

– Что ж, иди. – Уортон помахал ему рукой. – И уноси это отвратительно радостное настроение с собой.

Друзья попрощались, и спустя минуту Хелмсли ушел, сопровождаемый тихим свистом рождественского гимна.

– Я вот о чем думаю, – Уортон задумчиво посмотрел на удаляющуюся фигуру Хелмсли, – что будет, если этот господин действительно найдет женщину, которая отвечает всем его требованиям?

– Женщину с характером, которая способна бросить ему вызов? – Оливер хмыкнул. – Боюсь, при наличии всех других хороших качеств Хелмсли не сочтет ее столь уж очаровательной.

– Опираясь на свой опыт, скажу, что женщины с характером обычно бывают упрямы и прямолинейны: они не утруждают себя соблюдением правил приличия. Они отнюдь не принадлежат к разряду будущих герцогинь. Конечно, Хелмсли получит удовольствие, но не исключено, что такая женщина может свести его с ума.

Это была восхитительная мысль, и друзья довольно долго молчали, наслаждаясь ею.

– Вообще-то жалко, – начал Уортон.

– Я как раз подумал то же самое. – Оливер медленно кивнул.

Уортон нахмурил брови.

– Все же досадно, что никто конкретный не приходит мне на ум.

– Никто, с кем он еще не встречался. – Оливер покачал головой. – Стало быть, эта особа нам совершенно неизвестна.

– И самое меньшее, что мы можем сделать...

– Во имя нашей дружбы и в духе времени...

– Что? Что именно? – В голосе Кавендиша прозвучало смятение. – Какую малость могли бы мы сделать во имя нашей дружбы и в духе времени?

– Как что? Разумеется, дать Хелмсли именно то, что он хочет. – Оливер ухмыльнулся. – Женщину его мечты.

– Блестящая идея. – Уортон сдержал тяжелый вздох. – Боюсь, однако, что мы ничего не можем сделать в этом отношении.

– У меня есть кузина, которая должна приехать из Италии со дня на день, – неожиданно проговорил Оливер.

– Кузина? И тот тип женщин, который нравится Хелмсли?

– Понятия не имею. – Оливер на некоторое время задумался. – Моя мать переписывается с этой девицей регулярно, но мы не видели ее уже несколько лет. Я помню ее как полную, веснушчатую, рыжеволосую и спокойную девочку. Такой ребенок не особенно привлекателен, но достаточно приятен.

– Боюсь, для окружающих она изменилась... – предположил Кавендиш.

– Вероятно. Сейчас ей двадцать пять...

– И она до сих пор не замужем?

– Нет. Моя мать неоднократно говорила, что ее отец очень недоволен этим.

– Не выйти замуж до двадцати пяти лет! – Кавендиш поморщился. – Это плохой знак.

– Сомневаюсь, что она годится для нашей цели. – Оливер пожал плечами. – Письмо Фионы, в котором сообщалось о ее прибытии, было кратким и не содержало сведений о характере молодой леди. Так же не указывалась причина, по которой она решила вернуться в Англию. Правда, отец Фионы умер несколько месяцев назад, и вполне возможно, что она просто захотела вернуться домой. Кроме того, я не уверен, что имею право предложить члена семьи для этого эксперимента.

– А жаль. Мне бы очень хотелось увидеть, как Хелмсли влюбится по уши в девушку, которая обладает в точности теми качествами, которые он хочет в ней видеть. Это был бы по-настоящему рождественский подарок. – Хищная улыбка медленно расплылась на лице Уортона. – О да, это и в самом деле свело бы его с ума!

Глава 1

Спустя шесть дней

– Что мне делать, Оливер?

Мисс Фиона Фэрчайлд вышагивала по гостиной кузена, игнорируя озадаченное выражение на его лице.

Фиона и ее сестры появились в доме Оливера всего лишь час назад в сопровождении графини Орсетти, которая любезно согласилась сопровождать Фиону в качестве дуэньи в поездке из Италии. Графиня все равно собиралась совершить путешествие в Англию и решила, что эта обязанность ее не затруднит.

Тетя Эдвина горячо приветствовала их приезд, что весьма согрело сердце Фионы и в значительной степени принесло ей облегчение. С одной стороны, эта дама была не похожа на графиню Орсетти, властную и высокомерную. С другой стороны, хозяева не были предупреждены об их прибытии, хотя прошло уже более дюжины лет с того времени, как они видели друг друга.

После того как графиню Орсетти проводили в отведенные ей комнаты, Фиона предпочла дожидаться возвращения Оливера в гостиной.

Он поприветствовал ее так же тепло, как и его мать, однако у Фионы не было времени для праздных любезностей. Честно говоря, у нее вообще не было времени: она переживала острый кризис, и Оливер мог оказаться ее единственным спасением.

– Я отказываюсь выйти замуж за мужчину, которого никогда не видела, с которым не встречалась, не говоря уж о том, что он к тому же американец. Вероятно, он намерен жить в своей стране, а я и без того провела вне Англии много времени. Это мой дом, и я тосковала по нему так, что не могу выразить этого словами.

Оливер внимательно посмотрел на нее:

– Кажется, в принципе ты не возражаешь против замужества?

– Разумеется, не возражаю. Я представляю достаточно хорошую партию, как ты знаешь. – Фиона подняла руку и стала загибать пальцы: – Я из хорошей семьи и могу вести хозяйство – раз. Я бегло говорю на трех языках и вполне прилично на нескольких других – два. И зеркало подсказывает мне, что я к тому же хорошенькая – три. Не зря у меня так много поклонников...

– Согласен, ты уже не такая... как была в детстве, – пробормотал Оливер. – Ты похорошела.

Фиона удовлетворенно улыбнулась – она и в самом деле была довольна собой.

– Спасибо, кузен. – Ее улыбка вдруг погасла. – Но... что я теперь должна делать?

Оливер сдвинул брови:

– Не могу поверить в то, что дядя Альфред оставил тебя в таком положении.

– Он посчитал это для меня наилучшим выходом. До своей болезни он не раз побуждал меня выйти замуж...

– Полагаю, предложения были? – Оливер окинул кузину оценивающим взглядом.

Фиона в точности знала, что он мог увидеть: фигуру, которая более не страдала избыточной полнотой и стала соблазнительно статной; волосы, цвет которых варьировался от ярко-оранжевого оттенка до тонов красного дерева; пронизательные зеленые глаза с чуть приподнятыми к вискам уголками, а также фарфоровый цвет лица, который не портила россыпь бледных веснушек на переносице – в них мужчины, как ни странно, находили дополнительную привлекательность. Фиона Фэрчайлд сделалась настоящей красавицей, и она знала об этом.

– Разумеется, были. – Фиона как бы отмахнулась от его слов. – Помимо упомянутых качеств, я наследница значительного состояния – по крайней мере была. Когда отец понял, что он уже не оправится...

Печаль легла на ее лицо. Фиона оплакивала отца почти четыре месяца, но сейчас главным был вопрос, как ей решить проблемы, которые он ей оставил.

– Отец все дела сосредоточил в своих руках. Несмотря на его старания, я так и не вышла замуж, и он полагал, что это отчасти его вина. Конечно, он ошибался: просто я не встретила мужчину, с которым мне хотелось бы жить до конца моих дней. – Фиона пожала плечами. – К тому же после смерти мачехи я приняла на себя ее обязанности по ведению хозяйства и помогала своим сводным сестрам.

– Их три, насколько я знаю, и две из них близнецы...

Фиона кивнула.

– Я заботилась о них, как о родных, что усложняет мое положение. Отец знал: если отдать мне все на откуп, я ни за что не выйду замуж за человека, которого никогда не видела.

– И как же ты намерена жить дальше? – как можно мягче спросил Оливер. – Не могу представить тебя в роли гувернантки.

– Я тоже. – Фиона наморщила нос. – Или в роли компаньонки какой-нибудь леди. Пожалуй, я хотела бы и дальше делать то, что я делала.

– Хочешь отдаться на милость ближайших родственников? – Оливер улыбнулся.

– Почему бы нет? Ты и дорогая тетя Эдвина никогда меня не оставите и не вышвырнете на улицу. Однако я или, скорее, мы не можем злоупотреблять вашим гостеприимством бесконечно.

– Добро пожаловать к нам. Осмелюсь заметить: моя мать вне себя от радости при мысли о том, что вы будете у нее под крылом. Она давно сокрушалась по поводу того, что у нее нет дочерей, а есть только единственный сын, который до сих пор не исполнил своего долга и не одарил ее невесткой.

Фиона засмеялась.

– Это было постоянной темой в ее письме. – Она покачала головой. – Тем не менее мы не можем жить здесь до конца дней в качестве бедных родственников.

– Ты определенно можешь, – твердо сказал Оливер. – Ты для меня как сестра.

– Нет...

Оливер поднял руку, чтобы остановить ее.

– Я тебя прекрасно понимаю: тебе не хочется быть бедной родственницей. А сейчас, – он вздохнул, – я хотел бы удостовериться, правильно ли все понимаю. Дядя Альфред оставил тебе состояние главным образом в виде приданого и выделил солидные суммы для каждой из твоих сестер.

Фиона кивнула.

Оливер изучающее посмотрел на нее:

– Неужели он не оставил тебе ничего, на что можно жить, вести хозяйство и все такое?

– Оставил минимальную сумму на хозяйственные расходы, которой распоряжается солиситор и которой хватит до того момента, пока не приедет из Америки... мой суженый. – Произнося последние слова, Фиона едва не задохнулась. – Отец знал, что если он оставит в моем распоряжении слишком большую сумму, я найду способ уклониться от брака, который он организовал, и в этом он был, конечно, прав. – Фиона нервно зашагала по комнате. – Когда я узнала о состоянии нашего поместья, то потратила все, что было мне выделено, плюс то, что мне удалось скопить, на дорогу сюда. Уверяю тебя, отныне и вплоть до моей смерти у меня будет лишь небольшая наличность, спрятанная в моих вещах, на непредвиденные расходы.

– На тот случай, если тебе придется бежать из чужой страны, чтобы избавиться от нежеланного брака? – Глаза у Оливера сверкнули.

Фиона проигнорировала его тон.

– Именно. – Она сделала паузу, потом заговорила более спокойным тоном: – Поскольку большая часть денег предназначалась на хозяйственные расходы, возможны неоплаченные счета, один-два кредитора, которые могут нас преследовать...

Оливер вскинул брови:

– Все из Флоренции?

Она махнула рукой:

– Расходы могут быть несколько больше, чем полагал отец, но, право же, Оливер, ты не должен смотреть на меня такими глазами. Смерть нельзя назвать дешевым мероприятием: траурные платья для четырех молодых женщин обходятся недешево...

Оливер нахмурился:

– Твои платья вряд ли годятся для траурных целей.

– Это тоже идея отца: он обусловил ношение траурных платьев в течение трех месяцев, не больше, поскольку считал, что черный цвет не слишком привлекателен. Подозреваю, он не хотел, чтобы, встречая меня, будущий муж увидел претенциозное рыжеволосое пугало. Это было весьма предусмотрительно с его стороны. – Фиона бросила на кузена грустный взгляд. – Я выгляжу ужасно в черном, да?

– Вовсе нет, – пробормотал Оливер.

– Итак, о расходах, – продолжила Фиона. – Ты даже не можешь себе представить, какое количество людей сочли своим долгом навестить нас в течение нескольких недель и выразить свое сочувствие. При этом все ожидали славного угощения, так что похороны отца и все сопутствующие мероприятия обошлись очень дорого. – Фиона вздохнула.

Отец Оливера умер, когда он был мальчишкой, и сама идея о том, что кто-то другой может распоряжаться его финансами, будь то при жизни или после его смерти, была для него чуждой. Да и как иначе? Мужчина сам распоряжается своей судьбой. Фионе это вряд ли подошло бы: ей нравилось быть женщиной и считать себя искусной по части женских умений и ухищрений. Однако она понимала, что в некоторые моменты весьма досадно не иметь той власти, которая дарована мужчине.

– А вот и главный документ. – Фиона подошла к чемодану, который находился на боковом столике, открыла его и извлекла экземпляр отцовского завещания. – Со всеми неприятными деталями. – Она протянула завещание Оливеру. – Солиситор отца во Флоренции говорит, что я ничего не могу с этим сделать. Двое других, с которыми я консультировалась, согласны с ним. Поскольку в завещании не оговорены условия, за черту которых нельзя переходить, я думаю, было бы гораздо лучше по крайней мере обручиться с кем-нибудь другим, пока из Америки не приехал мой нареченный, имя которого я забыла.

– Из Америки? Так он не в Италии?

– Нет. – Фиона отвела волосы от лица. После приезда она не успела привести себя в порядок и выглядела несколько растрепанной, что было не в ее правилах. – Возможно, я рассказываю не слишком толково. Все настолько запутано...

– Понимаю. – Оливер кивнул.

– Ну так вот. – Фиона помолчала, собираясь с мыслями. – Когда отец понял, что не поправится, он изменил свое завещание, разделив состояние на четыре части, точнее, на четыре приданых. При этом большее предназначалось мне, чтобы я могла позаботиться о других, плюс минимальная сумма на расходы, которые придется произвести до моего вступления в брак. Дженовьева, Арабелла и София уже могли бы выйти замуж. Правда, Белл и Софии всего семнадцать, и я полагаю, что они еще слишком юны и несколько легкомысленны...

– Так в чем все же суть?

– А суть вот в чем... – Фиона сделала паузу перед наиболее огорчительной частью своего рассказа. – Даже если мои сестры выйдут замуж, они не получают приданого до тех пор, пока не выйду замуж я. Получается, их будущее всецело зависит от моих действий.

– Неужели твой отец мог так жестоко поступить? – Оливер посмотрел на бумаги, которые держал в руках, затем перевел взгляд на Фиону. – То есть я имею в виду, насколько это законно – заставлять тебя выходить замуж?

– Отец был очень умен и обладал ранее не замеченной дьявольской изобретательностью. – Фиона прищурилась. – Он словно и не заставляет меня что-нибудь делать: выбор исключительно за мной. Если я хочу получить наследство и обеспечить хорошую партию для сестер, я должна выйти замуж. Пока я этого не сделаю, пройдет ли один месяц или десять лет, деньги будут находиться на счете в банке, определенном его лондонскими солиситорами.

– Итак, если ты не выйдешь замуж, твои сестры тоже не получают приданого...

– Верно.

Их взгляды встретились.

– Похоже, твой отец был настроен весьма решительно.

– Весьма.

– А откуда взялся этот американец? – Оливер подошел к письменному столу, разложил перед собой бумаги и стал их внимательно изучать.

– Помнишь, перед тем как поселиться во Флоренции, мы провели почти четыре года в Париже? Наряду с исполнением своих дипломатических обязанностей в интересах королевы мой отец занимался бизнесом и инвестициями в различных частях мира, а отец этого – не помню, как его зовут – американца был среди зарубежных бизнесменов. В прошлом году он оказался в Италии, и мой отец возобновил с ним знакомство. – Фиона посмотрела через плечо на завещание, и родившееся у нее подозрение заставило ее воскликнуть: – Я несколько не удивлюсь, если именно тогда эти двое породили план объединения семей и решили поженить своих отпрысков.

Оливер продолжал просматривать бумаги.

– погоди минутку. Ты должна выйти замуж за «подходящего джентльмена с хорошим характером и финансовым положением», но нет никаких указаний, что ты должна выйти замуж конкретно за этого американца.

– Я это уже заметила, и тут, возможно, моя ниточка спасения. – Фиона тут же послала беззвучную молитву небесам и отцу, хотя, с учетом его последних действий, она не была вполне уверена в том, что молитва адресована правильно. – Очевидно, отец был слишком болен, чтобы заметить столь большое упущение в своем грандиозном плане. И вот теперь мне нужна твоя помощь.

Оливер обернулся:

– Моя?

– Да. – Фиона помедлила, подыскивая нужные слова. То, что ей раньше пришло в голову и показалось отличным планом, в этот момент вдруг стало выглядеть откровенной глупостью.

Она сделала глубокий вздох.

– Пожалуйста, найди мне мужа.

Оливер посмотрел на Фиону так, словно у нее внезапно выросла вторая голова.

– Да-да, мужа. Ты знаешь, что такое муж, поскольку, по всей видимости, долго уклонялся от того, чтобы им стать. – Фиона нетерпеливо махнула рукой. – Муж должен выглядеть представительно, иметь хороший характер и так далее. Ни в коем случае не развалина, красивый и с приятными манерами. Конечно, чувство юмора ему не помешает, но это лишь

желательно, потому что мне придется делать все очень быстро. Как только этот Как-там-его-звать появится во Флоренции, его отец скажет ему, что я сбежала, и он отправится меня искать.

Оливер продолжал смотреть на кузину так, словно две ее головы начали вдруг раскачиваться.

– А ты не рассматривала вариант, что этот американец может не пожелать жениться на тебе?

– Не пожелает жениться на мне? – Фиона фыркнула. – Не говори вздор. – Она шагнула к ближайшему креслу и опустилась в него совсем не так, как положено леди, поскольку ей было уж точно не до манер. – Честное слово, Оливер, мужчины желают меня уже за мою внешность, а у этого американца есть дополнительный стимул – внушительное состояние плюс посмертное одобрение моего отца. Я не могу представить себе, чтобы он не захотел на мне жениться, в особенности если это такой же тип, как его отец. Толстый коротышка с жалким количеством волос на голове, он разглядывал меня так, как разглядывают кобылу при покупке. Вряд ли сын окажется лучше. – Фиона неожиданно топнула ногой. – И пожалуйста, перестань пялиться на меня так, это неприятно.

– А ты совсем не такая, какой я тебя запомнил. – Оливер покачал головой. – Я всегда думал, что ты застенчивая и замкнутая.

– В детстве я и была такой, но каждый человек меняется с годами. Разве ты не изменился?

– Да, конечно. Я больше не лазаю по деревьям и не могу припомнить, когда последний раз играл в оловянных солдатиков. – Оливер улыбнулся. – Кстати, если этот американец последует сюда за тобой, он все равно не сможет заставить тебя выйти за него замуж.

– Сможет, если у меня не будет выбора. – Фиона вскочила со стула и быстро зашагала по комнате. – Я просто в отчаянии, и ты должен это понять.

Оливер хмыкнул:

– Я это заметил.

– Ну да, у меня есть достоинства и недостатки, и пусть тебя не обманывает моя внешность. Я вовсе не такая идеальная, какой кажусь. У меня множество дурных привычек. – Фиона покачала головой. – Я слабое создание, кузен: мне не улыбается перспектива бедности, и я люблю тратить деньги. Мы уже пришли к выводу, что, кроме как выйти замуж, у меня нет другой возможности добиться успеха в жизни. Если мне не удастся найти способ уклониться, я буду вынуждена выйти замуж за этого американца ради того, чтобы спасти сестер, ну и себя, разумеется. – Она, прищурившись, посмотрела на собеседника. – Хотя они и не окажутся нищими.

Оливер фыркнул:

– Надеюсь, что так.

Фиона подошла к нему, взяла его за руки и заглянула в глаза:

– Помоги мне, пожалуйста.

– Помочь найти тебе мужа? – Оливер покачал головой. – Я думал, что ты не хочешь выходить замуж за человека, которого никогда не видела.

– Так оно и есть, но если я вынуждена это сделать, то предпочла бы, чтобы муж был англичанином. Прошу тебя, кузен. – Фиона широко открыла глаза и заговорила просительным тоном, который так эффектно действует на многих джентльменов: – У тебя наверняка есть друзья, которые ищут жену, не правда ли?

– Большинство моих друзей активно избегали брака вплоть до настоящего момента.

– Но хотя бы укажи тех, из кого я могу выбрать?

– Выбрать? – засмеялся Оливер. – Как конфеты?

– В какой-то степени. Ассортимент подходящих партий. Комплект подходящих кандидатов... Прошу тебя.

– Но я не...

– Предупреждаю: я не намерена сдаваться. Либо ты помогаешь мне, либо... – Отпустив его руки, Фиона шагнула назад и расправила плечи. – Я найду себе мужа сама. А поскольку твой отец и мой отец умерли, ты, как граф Норкрофт, являешься главой семьи. Следовательно...

– Следовательно? – медленно повторил Оливер, и по искорке в его глазах можно было догадаться, что он начинает кое-что понимать.

– Как глава семьи, я полагаю, ты заинтересован в том, чтобы избежать публичного скандала. Я не могу гарантировать, что мой поиск подходящей партии удастся скрыть. – Фиона скрестила руки на груди. – Думаю, наилучший способ – действовать честно и открыто. Для начала сгодится объявление в «Таймс», к примеру, такое: «Наследница с привлекательной внешностью ищет подходящую партию. Кандидаты должны обладать хорошими качествами и готовностью жениться немедленно».

– Ты не сделаешь этого! – Оливер в ужасе уставился на кухню, не в силах поверить сказанному.

– Еще как сделаю! – Фиона пожала плечами. – Я отчаянная женщина, а отчаянные женщины прибегают к отчаянным средствам.

– Ты и твои сестры здесь желанные гости.

– Да но я не хочу быть бедной родственницей. – Она поджала губы. – И так?

– Боже милостивый, ты такая упрямая. Не могу даже поверить... – Оливер помолчал. – И такая целеустремленная.

– Да, я знаю, чего я хочу.

– Ну и характер! Похоже, дорогая кухня, ты способна бросить вызов любому мужчине. – Улыбка Оливера превратилась в усмешку.

– Если потребуется. – Фиона затаила дыхание. Она не собиралась угрожать тем, что даст объявление о желании найти мужа, и не была уверена, что способна сделать такую вещь. Тем не менее она и в самом деле была в отчаянии.

– Хелмсли, – внезапно сказал Оливер.

– Кто?

– Маркиз Хелмсли. Джонатон Эффингтон.

– Джонатон Эффингтон? – Сердце Фионы чуть дрогнуло. – Значит, он еще не женился? Оливер рассмеялся:

– Нет, но хочет.

– Он хочет? – В голосе Фионы появились нотки восторга. – Это... идеально!

– Идеально? Осмелюсь заметить, Хелмсли можно назвать каким угодно, только не...

– Он вдруг замолчал. – А почему?

Фиона одарила Оливера невинным взглядом широко раскрытых глаз.

– Что почему?

– Почему ты думаешь, что из всех людей Хелмсли идеален? Ты встречалась с ним?

– Нет, конечно, и даже никогда не перебросилась с ним и парой слов. И видела я его лишь однажды, перед тем как моя семья уехала из Лондона. Это случилось девять лет назад, да. Мне тогда понравилась его внешность, только и всего. Если Хелмсли радикально не изменился, то он производит ослепительное впечатление; с учетом того, что я вынуждена выходить замуж столь поспешно, меня это особенно устраивает.

Оливер с подозрением посмотрел на кухню:

– Не уверен, что готов поверить тебе.

– Но он мне действительно нравится.

Оливер пожал плечами. Впрочем, было ли что-нибудь в этом человеке такое, что могло не понравиться женщине?

Фиона думала о том же. Если ее не подводит память, Джонатон Эффингтон высок, широкоплеч, с пышными черными волосами. Танцевал он так, словно родился на танцевальной площадке. У него имелись симпатичные ямочки на щеках, которые появлялись, когда он смеялся и глаза его загорались озорным светом. Да, конечно, Фиона никогда не танцевала с ним и никогда не слышала, как он смеется, не заглядывала в его глаза вблизи...

– Я имею в виду не это, и ты прекрасно меня понимаешь.

– Тем не менее нельзя не признать, что Хелмсли – такая добыча, которую одобрил бы даже мой отец. И это более чем удачная партия.

– Боюсь, ты не единственная леди в Лондоне, которая так считает. Наследник герцога – один из самых привлекательных холостяков в стране. Настанет день, когда он станет действующим герцогом Роксборо и одним из самых богатых англичан.

– Я же сказала, что он просто идеален. – Фиона просияла. – А сейчас мы просто должны убедить его, что я идеально подхожу для него.

– И у тебя есть идея, как это сделать?

– Увы, нет. – Фиона вздохнула. – Многие джентльмены не раз пытались убедить меня, чтобы я вышла за них замуж, но я никогда не оказывалась в положении, когда необходимо соблазнить кого-то и заставить его жениться... на мне. Правда, всегда есть возможность завлечь избранника в скандальную ситуацию, и тогда он вынужден будет жениться, чтобы сохранить свою и мою честь...

Оливер вскинул бровь:

– И ты способна пойти на это?

– К сожалению, нет: хоть я и отчаянная, но даже у меня существуют определенные принципы. Кроме того, мне придется потом жить с ним всю оставшуюся жизнь, и я предпочла бы избежать неудовольствия с его стороны, которое может спровоцировать вынужденная женитьба.

Оливер прищурился:

– Тут ты, возможно, права...

– Я рада, что ты одобряешь меня, хотя было бы гораздо проще, если бы я относилась к тому типу женщин, которые силой втягивают мужчину в нежеланный брак. – Фиона наклонила голову. – Надеюсь, вы с Хелмсли друзья? Ты можешь что-нибудь придумать, чтобы помочь мне?

– Придумать что-нибудь такое, что заставит старого друга жениться на женщине, которую он никогда не видел? Довольно серьезный вызов. – Оливер усмехнулся. – Впрочем, тут-то как раз и может прятаться ключ.

– Что ты имеешь в виду?

– Хелмсли родом из семьи, в которой женщины отличаются выдающимися волевыми качествами. – Он негромко хмыкнул. – Было время, когда я вообразил, что влюбился в его младшую сестру, а однажды Хелмсли сам совершенно определенно высказался о том, какую жену он хочет иметь. Спокойную, сдержанную, умеющую хорошо себя вести в обществе и так далее.

– О Господи!

– Однако в последние годы он пришел к выводу, что такой тип женщины утомит его до слез. Теперь Хелмсли хочет женщину умную, у которой есть свое мнение, и... – Оливер усмехнулся, – он хочет невесту с претензиями.

– С претензиями? Что ж, я попробую, – быстро сказала Фиона. – Собственное мнение у меня, безусловно, есть.

– В самом деле, женщина, которая бежит из Европы, лишь бы не выйти замуж за того, кого выбрал для нее отец, вполне способна заинтересовать Хелмсли.

– Вот и отлично.

Именно за такого мужчину Фиона всегда мечтала выйти замуж, хотя никогда не проносила этого вслух.

Теперь с помощью Оливера все должно было измениться.

– Как будем действовать: ты нас познакомишь или... – Фиона выжидательно посмотрела на кузена. – Я намерена быть честной с ним, поскольку брак – это навсегда и не следует начинать его с обмана.

– Я тоже считаю, что честность – наилучший способ действий, – кивнул Оливер. – Все прямо и открыто.

– Ну, может быть, не все...

В этот момент Фионе пришло на память несколько инцидентов, которые едва не завершились скандалом.

– Не все?

– Нельзя быть дерзким и полностью честным, – сказала Фиона с видом знатока. – Я не хочу, чтобы он знал все мои секреты. Не скажу, что у меня какие-то особые секреты, – быстро добавила она, – хотя полагаю, кто-то может так считать...

– Этого достаточно. – Оливер пожал плечами. – У меня нет желания знать больше, чем это необходимо. Просто дай мне заверения в том, что твои секреты не содержат информации, не позволяющей считать тебя респектабельной партией...

– Оливер! – Фиона бросила на кузена возмущенный взгляд. – Ну как ты можешь подумать такое?

– Мои извинения. – Оливер изобразил смущение. – Мы не виделись с тобой долгое время и пока друг друга не знаем по-настоящему. Ты обладаешь манерами и внешностью женщины, которая... гм... – Он покачал головой. – Я искренне сомневаюсь, что найдется много мужчин, которые не рискнут нарваться на скандал из-за тебя.

– Полагаю, это комплимент. – Фиона улыбнулась. – Джонатон Эффингтон тоже в их числе?

– Он в особенности. Ты именно тот тип женщины, который он ищет. – Оливер почесал в затылке. – А это должно быть весьма забавно!

– Меньше всего мне хотелось бы выглядеть забавной, – парировала Фиона. – Мне нужен муж, а не любитель клоунады. – Она вздохнула.

Но Джонатон Эффингтон был не просто то, что ей нужно, это была мечта ее жизни.

Глава 2

Четыре дня спустя

На рождественском балу в Эффингтон-Хаусе

– Как всегда, все организовано великолепно, Генри. – Джонатон Эффингтон искоса взглянул на дворецкого, который, как всегда в такой момент во время рождественского бала в Эффингтон-Хаусе, находился между зеркалом из венецианского стекла и пристенным столиком в нише коридора, ведущего в библиотеку. Как и каждый год, он держал в руках поднос с бутылкой изысканного шампанского и двумя бокалами.

– Благодарю, милорд, – сдержанно произнес Генри.

Джонатон подавил улыбку. Генри Мэнсфилд был не более чем на десять лет старше Джонатона, но Джонатон оказался единственным членом семьи, который называл дворецкого по имени. Помимо этого единственного исключения, давно и по взаимному согласию принятого обоими, в остальном манера поведения Генри оставалась безупречно отточенной и совершенной, поскольку он был третьим Мэнсфилдом, который служил в Эффингтон-Хаусе герцогу Роксборо и семейству в качестве дворецкого, успешно заняв это положение несколько лет назад, когда его дядя, предыдущий дворецкий и тоже Мэнсфилд, ушел в отставку и отправился жить в деревню.

Джонатон снова сосредоточил внимание на своей внешности. В начале этого вечера он имел встречу в библиотеке с господином, который, как он надеялся, в ближайшем будущем станет его шурином. Встреча оказалась даже более приятной, чем он ожидал. Джонатон слегка поправил узел галстука.

– Как я выгляжу, Генри?

– Вы само совершенство, милорд, – немедленно ответил Генри.

Хелмсли засмеялся. Генри никогда не был излишне саркастичным, однако Джонатон понимал, что мог скрывать его тон. Когда они были моложе, Генри помогал Джонатону совершать различные отчаянные проделки, а иногда и уходить от неприятностей.

– Вряд ли стоит говорить о совершенстве, но выгляжу я вполне прилично. – Джонатон продолжил критически изучать свое отражение.

Не самый большой красавец, Хелмсли все же не считал себя непривлекательным и был вполне доволен своей внешностью. Женщины, похоже, также не находили изъянов в его внешности: им даже нравилось, что его непокорные густые волосы то и дело свешивались на лоб, вместо того чтобы послушно лежать на голове.

В конце концов он приветливо улыбнулся своему отражению. Черт побери, он выглядит эдаким обладающим приятной внешностью дьяволом во плоти, а это совсем недурно!

– Лишенный страсти, – вдруг сказал он вполголоса.

Бровь Генри слегка дрогнула.

– Прошу прощения, милорд?

– Нет, ничего, Генри, просто мысли вслух. – Улыбка на лице Джонатона погасла.

Он не стал бы признаваться в этом друзьям, но обвинения, которые они выдвинули против него на прошлой неделе относительно отсутствия чувств, весьма сильно задели его. Он пытался отмахнуться от них, отмести как абсурдные, однако надоедливые мысли снова и снова возвращались к нему, словно навязчивая мелодия, которая способна свести с ума.

Джонатон не мог не признаться себе, что друзья в чем-то правы. Временами он бывал влюблен, и даже неоднократно, и это не была та безграничная страсть, делающая человека смешным и заставляющая давать обещания, которые он не собирается давать.

Джонатон никогда не предлагал женщине больше, чем собирался; его отношения носили несколько поверхностный характер, и это было только на пользу и ему, и любой той леди, которая становилась предметом его интереса. И расставался он с ними всегда любовно.

К тому же Джонатон нисколько не сомневался, что если появится предмет его мечты, то появится и страсть, о которой говорили друзья. Однако сегодня его ждала в библиотеке старая знакомая леди Джудит Честер – миниатюрная белокурая вдовушка, имевшая заслуженную репутацию женщины, которая благосклонно принимает предлагаемые утехы и не испытывает ни малейшего желания повторно выйти замуж.

Джонатон тихонько хмыкнул. Это не первый вечер и не последний; тем не менее никогда не знаешь, чего ожидать от Джудит, тем более в Рождественский сочельник.

Взяв с подноса Генри бокалы и бутылку, Джонатон двинулся в сторону библиотеки, но, сделав два шага, обернулся.

– Ну так как?

– О чем вы, милорд? – Лицо Генри оставалось бесстрастным.

– Жду твоего совета, Генри, твоего мудрого слова, традиционного рождественского монолога.

– Я бы не назвал это монологом, милорд. – Голос Генри не дрогнул.

– Так или иначе, но это такая же традиция, как и сам рождественский бал в Эффингтон-Хаусе или как поиски самой большой елки. – Джонатон кивком указал на библиотеку в дальнем конце коридора.

– Это в самом деле традиция, – мягко согласился Генри.

Когда Джонатон в первый раз шел на свидание в библиотеке во время рождественского бала, ему было всего семнадцать лет, а Генри служил в доме лакеем. Тем не менее он сумел снабдить Джонатона нужным вином и бокалами, а также посоветовал, как, с точки зрения более старшего и более опытного мужчины, вести себя с прекрасным полом.

– Будьте осторожны, милорд. – Дворецкий встретился взглядом с Джонатоном. – Помните, что женщины – создания непредсказуемые и склонны прочесть в словах джентльмена и в его действиях куда больше, чем он имеет в виду. И не теряйте головы, не позволяйте себе оказаться в компрометирующей позиции, чтобы какой-нибудь нежеланный гость, – Генри деликатно откашлялся, – не стал свидетелем ваших необдуманных поступков.

– Спасибо, Генри; теперь я полностью подготовлен. – Усмехнувшись, Джонатон хотел двинуться в сторону библиотеки, но не удержался и задал еще один вопрос: – Генри, ты когда-нибудь был влюблен?

– Влюблен? – Генри покачал головой. – Боюсь, что нет. Но я не исключаю такой возможности в будущем.

– Я тоже.

В этом месте обычный апломб Генри дал осечку.

– Сэр, должен ли я понимать, что леди Честер...

– Боже упаси, ни в коем случае, – поспешил заверить его Джонатон. – Она очаровательна и достаточно мила, но за пределами этого вечера интересуется мной не больше, чем я ее персоной.

– Однако же я не могу припомнить, чтобы вы с кем-либо встречались в библиотеке второй раз...

– Да, но... – Джонатону было трудно объяснить характер отношений, которые сложились у него с Джудит: он даже не был уверен в том, что сам полностью их понимает. На протяжении ряда лет они с Джудит были более чем друзья и в то же время менее чем любовники. Хотя они делили ложе не однажды, Джонатон не был окончательно уверен в том, что поступил правильно, пригласив Джудит присоединиться к нему этим вечером.

Впрочем, одно объяснение у него имелось: для него было проще и безопаснее оказаться в компании леди, которую он хорошо знал, чем затевать игры с дотоле неизвестной женщиной.

Генри продолжал смотреть на него спокойным изучающим взглядом, и от этого Джонатону вдруг стало не по себе. Его дворецкий всегда видел больше, чем хотелось хозяину.

– Мы с леди Честер слегка отвлечемся от бала – приятная интерлюдия, не более. –
Голос Джонатона прозвучал довольно уверенно.

– Понимаю. Как всегда, милорд.

– Ну разумеется. – Джонатон поднял бокал, как это делают, произнося тост. – Как всегда. – Повернувшись, он зашагал по коридору, и постепенно его задумчивость сменилась мыслью о том, что очаровательная вдовушка уже поджидает его.

Джудит была идеальным выбором для этого вечера. Нет лучшего способа отметить то или иное событие бутылкой шампанского с красивой женщиной в объятиях, если она не ожидает ничего, кроме того, что он собирается ей дать.

А Джонатон в точности знал, чего хотел. Пусть друзья думают, что когда-нибудь он наконец найдет такую женщину, за которую будет сражаться, завоеует ее, потребует ее руку и сердце, да еще сделает это, продемонстрировав необузданную, никогда ранее не виданную страсть.

Впрочем, почему бы и нет... когда-нибудь, но только не сегодня!

Хелмсли, улыбаясь, толкнул дверь ногой и шагнул внутрь.

Библиотека представляла собой длинную просторную комнату, уставленную книжными шкафами, достигавшими потолка, с большим письменным столом напротив двери, камином в дальнем углу и диваном, который предусмотрительно располагался позади стола. Газовое освещение было неярким, и даже огонь в камине не мог разогнать тени, гнездившиеся повсюду. В самом темном углу Джонатон различил силуэт женщины.

– Здравствуй, Джудит! Прости за задержку. – Джонатон подошел к столу, поставил на него бокалы и ловко открыл шампанское. – Я намеревался появиться здесь раньше тебя.

– В самом деле? – Голос женщины прозвучал несколько хрипло, что показалось Джонатону весьма возбуждающим. Вечер может оказаться даже более приятным, чем он ожидал.

– О да, поверь. – Он наполнил два бокала. – Я хотел приветствовать тебя, уже наполнив бокалы. – Хелмсли обернулся, и вдруг слова застряли у него в горле.

Некое видение, определенно не Джудит, шагнуло из тени.

– И что же вам помешало?

Рука с бокалом застыла в воздухе.

– Вы не леди Честер!

– Нет? – Женщина ловко подхватила бокал и сделала глоток, а затем посмотрела на Джонатона невинным и в то же время весьма выразительным взглядом. – Вы уверены?

– Ни малейшего сомнения. – Джонатон скользнул по ней взглядом, и увиденное ему сразу понравилось.

Незнакомка была значительно выше Джудит, ее голову украшали густые, рыжеватого оттенка волосы. Джонатону всегда нравились рыжие волосы. Еще у нее были красивые, зеленого цвета глаза миндалевидной формы. Глубокий вырез декольте подчеркивал ее соблазнительные формы. Она действительно была видением, или, точнее, богиней, явившейся из юношеской мечты.

– Могу я спросить, что вы сделали с леди Честер?

– Что я с ней сделала? – Женщина непринужденно засмеялась, и ее смех Джонатону также понравился. – По-видимому, связала и затолкала в шкаф.

– Правда? Надеюсь, она получила от этого удовольствие; и все же я сомневаюсь, что она лежит связанная в шкафу. – Хелмсли с любопытством посмотрел на представшую его взору богиню. – Так что же с ней произошло?

– Ничего страшного, уверяю вас. Просто я уговорила ее позволить мне встретиться с вами в этом месте.

– Уговорили? Вы?

Женщина снова рассмеялась:

– Разумеется, нет: я никогда с ней не встречалась. Разговаривал лорд Норкрофт.

Джонатон прищурился:

– Норкрофт? Очень интересно. Но зачем Оливеру уговаривать леди Честер и подставлять вас вместо нее?

Незнакомка на мгновение нахмурилась, затем набрала в грудь побольше воздуха и выпалила:

– Потому что у меня есть для вас выгодное предложение.

– Да? – Хелмсли по-прежнему сохранял на лице любезную улыбку, но в его голове вдруг зародилось подозрение. – И какого рода это предложение?

– Его гораздо труднее произнести вслух, чем я думала. – Протеже Оливера мило наморщила носик, видимо, желая изобразить смущение.

Разумеется, Джонатон ничуть не поверил ей.

Сделав глоток шампанского, он спокойно поинтересовался:

– Это деловое предложение?

Возможно ли, чтобы Оливер прислал ему какое-нибудь интересное предложение о капиталовложении в облике красивой женщины?

– Я бы не назвала его деловым, хотя, смею заметить, некоторые люди могут так считать, – негромко проговорила красавица.

– Стало быть, здесь есть что-то личное?

– Исключительно личное.

– Предложение личного характера? – Хелмсли засмеялся. – Это весьма похоже на предложение о браке.

– Именно об этом и идет речь. – Из груди незнакомки вырвался вздох облегчения. – Я вам очень благодарна, милорд, за помощь. Гораздо легче услышать это из ваших уст, чем произнести самой.

– Услышать? – Джонатон ошеломленно уставился на собеседницу. – Но, дорогая леди, я даже понятия не имею, о чем вы говорите...

– На самом деле все очень просто. Речь идет о брачном предложении. – Теперь женщина говорила, четко выговаривая слова, как если бы под сомнением были умственные способности ее слушателя. – О браке между вами и мной, то есть между нами.

– Между нами?

– Я вижу, что вы все еще не понимаете. – Незнакомка с сочувствием посмотрела на него. – Боюсь, это моя вина; я не слишком понятно объясняю, особенно в сложных случаях.

– Не слишком понятно? Но может быть, вы все же попытаетесь?

– О, конечно! – Она допила шампанское, поставила пустой бокал на стол и сделала глубокий вздох. – Господин Хелмсли... – Пауза. – Вы позволите называть вас Джонатон? Знаю, это слишком самонадеянно с моей стороны и не вполне прилично, но обсуждение такого рода требует, как бы это сказать... определенной интимности, которая может быть в других случаях принята за дурной тон.

– Дурной тон?

Женщина кивнула.

– Мне лишь остается надеяться на ваше понимание.

– Ну хорошо, Джонатон. А кто вы?

– О Господи, я совсем забыла представиться. – Она игриво засмеялась. – Понимаете, я никогда раньше не делала брачных предложений...

– Верю, мисс, что это непривычная практика для вас.

– Фэрчайлд. Фиона Фэрчайлд. – Она протянула руку. – Но вы должны называть меня Фиона.

– Сочту за честь. – Джонатон взял затянутую в перчатку руку и прикоснулся к ней губами. Фэрчайлд? Это смутно о чем-то ему напомнило, но о чем? Он не мог вспомнить наверняка.

– Итак, Фиона...

– Итак... – Приподняв голову, она задумчиво посмотрела на него. – Мне нравится, как это звучит: Джонатон и Фиона. Похоже, эти имена созданы друг для друга.

– Созданы друг для друга? – Хелмсли пожал плечами. Ему вовсе не нравилось это сочетание. А если учесть, что за этим просматривался брак...

Джонатон вовсе не был уверен в том, что ему следует продолжать игру, однако он не хотел сдаваться до того, как узнает, сможет ли выйти победителем из этой игры.

– Именно. – Фиона одарила его лучезарной улыбкой, отчего у Джонатона возникло странное ощущение под ложечкой. Ее слова были как бы заглушены шумом в ушах, и в этот момент для него не было ничего более значительного, чем ее улыбка и глаза. – Своего рода судьба, я полагаю.

– Что вы сказали?

– Поскольку вы до сих пор не женаты, это похоже на судьбу или провидение...

Джонатон прищурился:

– Почему?

– Потому что я идеально подхожу для вас. – Фиона снова улыбнулась той же сияющей улыбкой, однако Джонатон мужественно ее проигнорировал.

– Вы идеально подходите для меня?

– А вы всегда отвечаете вопросом на вопрос?

– Простите, мисс Фэрчайлд, никто никогда раньше не предлагал мне вступить в брак...

– Разумеется, нет. – Фиона небрежно пожала плечами. – Полагаю, вы чувствуете себя так же неловко, как и я. – Она сделала паузу. – Итак, на чем я остановилась?

– Вы идеально подходите для меня.

– Ну да. – Она не мигая встретила его взгляд. – Ваша жена маркиза Хелмсли в один прекрасный день станет герцогиней Роксборо. Всю свою жизнь я разными способами готовилась к тому, чтобы занять именно такое положение. Моя мать – сестра графа, отец – младший сын маркиза. Я много путешествовала, говорю на нескольких языках, могу эффективно вести хозяйство. Поверьте, я великолепная хозяйка. – Фиона скромно сложила руки, но жест этот показался маркизу несколько театральным. – Словом, я идеальная кандидатка для вас.

– Возможно, вы идеально подходите для того, чтобы занять положение герцогини или маркизы, но насколько вы идеальны в качестве жены? – Джонатон с большой осторожностью подбирал слова: он не намерен был принимать какое-либо решение, пока не разобрался, что тут правда, а что нет.

– Так считает Оливер.

– В самом деле?

Стало быть, она называет Оливера по имени. Это забавно. Кроме того, это свидетельствует об их достаточно близких отношениях.

Какую бы игру его друг ни затевал, Джонатон приготовился ответить на вызов. Кем бы ни являлась эта женщина, она, безусловно, миловидна и притом довольно умна.

Сделав глоток шампанского, маркиз медленно поднял глаза на свою собеседницу:

– Почему?

– Почему он так считает? Ну, Оливер не раз говорил, что я упряма и целеустремленна. Еще он говорит, что у меня есть характер и я умна, хотя мне это отнюдь не кажется комплиментом. – Фиона покачала головой, и лицо приобрело озадаченное выражение. – Я всегда считала, что эти качества создают проблемы, а не являются достоинствами, по крайней мере в глазах мужчин. Но Оливер говорит, что они делают меня дерзкой, а вы, по его словам, хотите, чтобы жена была способна бросить вызов.

– Пожалуй, тут он прав: я люблю столкнуться с вызовом. – Джонатон приосанился. Разве не он признавался в этом друзьям на прошлой неделе? – Скажу больше: хорошенькая женщина, которая способна бросить вызов, – это...

Должно быть, тут дело не в простой случайности. Зеленоглазая богиня появилась вместо Джудит с подачи Оливера, ведь так?

Хелмсли с трудом удержался от того, чтобы не рассмеяться. Ему следовало догадаться сразу, как только эта женщина сказала, что идеально подходит для него. Очевидно, дело идет о своеобразной шутке: забавный план, придуманный его друзьями, чтобы поставить его в дурацкое положение.

– Это... что?

– Это, – Джонатон наградил ее очаровательной улыбкой, – идеальный вариант. – Он повернулся, чтобы наполнить бокалы. Интересно, как далеко пойдет эта красотка, следуя указаниям Оливера и других его друзей?

Он протянул бокал, и Фиона приняла его с любезной улыбкой опытной актрисы. С каким невинным видом она смотрит на него! При этом на лице ее мелькает выражение неуверенности, легкое колебание, ощущение неловкости. Вероятно, у мисс Фэрчайлд имеется определенный семейный круг, потому что Джонатон уже прежде слышал это имя. Возможно, что он даже видел ее на сцене, хотя и не мог припомнить когда.

– Скажите, мисс Фэрчайлд, почему такая очаровательная, такая совершенная женщина, способная бросить вызов мужчине, прибегает к тому, что предлагает себя в жены мужчине, которого никогда ранее не встречала?

– Это сложно объяснить.

– И все же...

Фиона глотнула шампанского и задумалась.

– Мой отец хотел выдать меня замуж...

– Все отцы всегда хотят именно этого.

Фиона кивнула, словно в подтверждение этих слов.

– Поскольку я не оправдала надежд до его смерти, он завещал, чтобы я вышла замуж за сына его знакомого, которого я никогда не видела. – Она выжидательно посмотрела на Джонатона.

– Продолжайте.

– Пока я не выйду замуж, я не получу ни наследства, ни приданого. Не получат приданого также три мои сестры вплоть до моего мужества.

Джонатон укоризненно покачал головой:

– Это одна из самых странных историй, которые я когда-либо слышал.

Ответом ему был тяжелый вздох.

– Да, я знаю.

– Стало быть, ваше будущее и будущее ваших сестер теперь всецело зависят от ваших действий? – Джонатону было очень нелегко заставить себя не рассмеяться вслух, выслушав эту драматическую историю. – Вы одна можете спасти их от нищеты и рабства?

– Именно так. – Зеленые глаза девушки затуманились слезами.

– Что ж, понимаю.

Весьма нелепая история, и... Джонатон наверняка встречался с подобным сюжетом на подмостках сцены. Он нисколько не удивился бы, если бы в этот момент в комнату ворвалась целая толпа и рухнула перед ним на колени.

Ну погодите, Норкрофт, Уортон и Кавендиш!

До чего же безжалостные ребята, эти его друзья. Не приходится сомневаться, что они разработали план сразу после того, как он расстался с ними на прошлой неделе. Наверняка они уже заключили между собой пари на солидную сумму относительно того, как он поступит. Идеальная жена, видите ли. Они, вероятно, подумали, что он бросится бежать, словно перепуганный заяц, встретившись с такой женщиной, услышав о перспективе обязательной женитьбы. А собственно, почему? Пока Фиона Фэрчайлд отвечает всем его требованиям; осталось посмотреть, что будет дальше.

И все же маркиз не мог не признать, что мисс Фэрчайлд очень хорошо все отрепетировала.

– Оливер говорит, что как только вы найдете женщину, отвечающую вашим требованиям, вы сразу же на ней женитесь. – Фиона уставилась на него неуверенным взглядом.

Джонатон понимающе улыбнулся:

– Далее по сценарию я должен заключить вас в объятия и согласиться на брак, не так ли?

Фиона нахмурилась:

– Было бы здорово, но вряд ли можно этого ожидать.

– А чего вы ожидаете?

– Если быть абсолютно честной, Джонатон, – она пристально взглянула на него, – я не знаю, чего мне ждать, и не знаю, что делать. Если мне не удастся выйти замуж, мы с сестрами потеряем все. И чем дольше я буду тянуть с замужеством, тем больше шанс, что меня принудят выйти за человека, за которого я не хочу выходить.

– А почему у вас есть желание выйти замуж за меня?

Щеки Фионы мило порозовели.

– Я думаю, мы и в самом деле прекрасно подходим друг другу. – И потом, – она лукаво улыбнулась, – мне вас очень рекомендовали.

– Норкрофт?

– Да. Вы не единственный холостяк в Англии, но я бы проявила интерес к вам даже в том случае, если бы у меня была не такая отчаянная ситуация.

Джонатон некоторое время молча рассматривал ее.

– Я искренне польщен, но... Вы красивая женщина, и я не могу представить, что найдется мужчина, не желающий на вас жениться. Так почему вы дожили до солидного возраста, так и не выйдя замуж?

– Солидного возраста? – Фиона вскинула бровь. – Я не знала, что двадцать пять лет – солидный возраст.

Маркиз пожал плечами:

– Многие так считают.

В глазах мисс Фэрчайлд сверкнуло нечто похожее на раздражение.

– Разумеется, у меня были предложения о браке...

– Я не ожидал ничего иного. И это совсем неплохо, когда женщина достаточно независима, чтобы воспротивиться необходимости выйти замуж ради замужества как такового.

Фиона протянула бокал, и Джонатон послушно наполнил его. Теперь ему казалось, что она и в самом деле испытывает неловкость, но он решил не делать скоропалительных выводов. Оливер наверняка все отлично спланировал, и это нельзя было не учитывать.

– Прежде я не могла даже подумать, что сама буду делать брачное предложение. – Фиона глотнула шампанского. – Может, мы прекратим это, как вы считаете?

– Что прекратим?

– Эту дискуссию. – Она нетерпеливо махнула рукой. – Кстати, такой беспредметный разговор очень раздражает, вы не находите?

– Чем именно?

– Тем, что вы все время отвечаете вопросом на вопрос.

Джонатон хмыкнул:

– Я вовсе не хотел раздражать вас и... Это делает меня менее совершенным и подходящим для вас, так?

Фиона удивленно подняла на него глаза:

– Мой дорогой маркиз, я вовсе не говорила, что вы мне представляетесь идеалом. Я ровным счетом ничего не знаю о вас, за исключением сведений о вашем семейном положении, вашем титуле и ваших перспективах. Предположительно все это делает вас великолепной парой для любой женщины. К тому же Оливер говорит, что вы приятный мужчина...

Маркиз вскинул брови:

– Приятный мужчина? Он так и сказал?

– Очень приятный мужчина, – уточнила Фиона.

По-видимому, наступило время стать менее приятным и установить контроль над возникшей ситуацией. Его друзья ожидали, что он сбежит от этого якобы идеального создания, но он оплатит Оливеру и другим той же монетой, приняв предложение. В самом деле, если истина раскрыта, их заговор разгадан и они должным образом наказаны, то почему бы ему не попытаться узнать эту симпатичную актрису получше?

Независимо от того, какие ставки оказались на кону, Джонатон несколько не сомневался, что в конце концов он окажется в выигрыше.

– Ну что ж, мисс Фиона Фэрчайлд, – Джонатон сделал еще глоток шампанского и отставил бокал в сторону, – я принимаю ваше предложение.

Фиона удивленно уставилась на него:

– Принимаете?

– Именно так. – Он шагнул к ней и был весьма доволен, когда она сделала шаг назад.

– Вот так просто принимаете, и все?

О, это великолепно! Легкая паника в глазах, дрожащий голос... Сыграно весьма эффектно и почти правдоподобно.

– Вероятно, вы та самая женщина, которую я так долго ищу. – Маркиз пожал плечами.

– В настоящий момент я не вижу никаких причин для того, чтобы откладывать неизбежное.

– Неизбежное? – медленно произнесла Фиона.

– И кто теперь отвечает вопросами?

– Видите ли, я не ожидала, что это будет... так просто.

– А чего же вы ожидали? – Маркиз снова приблизился к ней, она снова отступила на шаг. Это выглядело забавно, хотя он мог бы ожидать, что она будет немного смелее. Очевидно, это милое девичье колебание было пущено в ход для того, чтобы история выглядела более правдоподобной. Оливер хорошо ее обучил.

– Я не вполне уверена... – Фиона сцепила руки за спиной.

– Надеюсь, вы не передумали?

– О нет, разумеется... – Она вздохнула. – Истина в том, что если вы в самом деле хотите жениться на мне, у меня не остается выбора.

– Вы находите меня слишком легкомысленным?

– По крайней мере я не предполагала, что вы так быстро согласитесь, и считала, что вам понадобятся более убедительные аргументы, а также какое-то время, чтобы обдумать мое предложение. Конечно, я выросла с привычной мыслью о том, что выйду замуж за человека, которого не знаю, но ведь для вас это совершенная новость...

– Поймите, я считаю бессмысленным терять время, когда предоставляется благоприятный случай. – Джонатон хитро улыбнулся. – Вы определенно и есть тот самый случай.

Фиона широко раскрыла глаза:

– Ну что ж, будь что будет... И все-таки я думала, что вы пожелаете поговорить о моем... То есть обо мне.

– Верно, и я определенно намерен это сделать как можно скорее.

– Также вы должны определить для себя, действительно ли мы подходим друг для друга, прежде чем совершить подобное действие.

– Но наша встреча была устроена Норкрофтом, а он один из моих самых близких друзей. Кому лучше знать, действительно ли вы идеальный вариант для меня... К тому же, будучи моим другом, Оливер, безусловно, исходит из моих интересов.

Фиона слегка вздрогнула, но Джонатон сделал вид, что не заметил этого.

– Я давно уже говорил, что как только найду женщину своей мечты, то без колебаний попрошу ее руки.

– Но разве вы не хотели бы...

– Чего я хочу, так это немедленно заключить вас в объятия. – Джонатон решительно притянул Фиону к себе и обнял, заметив при этом некоторое сопротивление с ее стороны, что, очевидно, было составной частью игры. – Теперь я хочу поцеловать вас, чтобы закрепить нашу сделку.

– Это правда? – Фиона смотрела на него широко раскрытыми зелеными глазами, в которых можно было разглядеть искусно скрываемую смесь тревоги и ожидания.

– Я не могу думать ни о чем больше.

– В таком случае я полагаю... – Она произнесла это очаровательно прерывающимся голосом, без сомнения, доведенным до совершенства на подмостках сцены. Приподняв подбородок, Фиона решительно посмотрела ему в глаза: – В таком случае вы должны сделать именно это.

– В самом деле должен.

Независимо от того, кто она, и от того, частью какого розыгрыша являлась, Джонатон решил, что непременно получит от этого удовольствие.

– Сейчас я это сделаю.

Он прижался губами к ее губам, и Фиона на мгновение застыла, как бы в нерешительности, но затем ее губы раскрылись. Она ощутила приятный вкус шампанского и рождественских пряностей.

Джонатон прижался к ее губам чуть крепче, его поцелуй сделался более жадным и менее изысканным. Судя по всему, он хотел ее ласк гораздо сильнее, чем ожидал.

Очевидно, Фиону целовали раньше, и тем не менее было нечто завораживающее в том, как легонько она положила руки ему на плечи и как поспешно отстранилась от его тела. Вероятно, она была не столь опытна, как большинство знакомых ему актрис.

Впрочем, сейчас это не имело особого значения: ощущение ее тела еще сильнее разожгло его желание.

Приказав себе не слишком увлекаться, Джонатон деликатно завершил поцелуй и поднял голову.

Веки Фионы были смежены, губы слегка приоткрыты, и казалось, она не имела сил пошевелиться.

Было ли это частью ее роли? Кто знает. В любом случае это ему нравилось, как и россыпь веснушек на переносице...

Внезапно ресницы Фионы дрогнули и глаза открылись.

– О Боже! – Ее слова прозвучали так, как если бы их произнесла женщина, которую только что по-настоящему поцеловали, и она получила от этого удовольствие. Джонатон был уверен, что в этот момент она не играла.

– Целоваться – это так чудесно!

Джонатон улыбнулся:

– Так и должно быть.

– Почему должно? – Она с трудом выговаривала слова.

– Потому что мы идеально подходим друг для друга. – Маркиз удовлетворенно кивнул.

– Ну и все такое прочее.

– Ах, вот что...

Фиона со вздохом высвободилась из его объятий и рассеянно поправила платье.

– Несмотря на дерзость, которую я проявила, мне хочется стать для вас хорошей женой.

– Она смело посмотрела ему в глаза. – Обещаю, вы не пожалеете о вашем выборе.

Джонатон удивленно покачал головой. Даже если это хорошо разыгранная роль, Фиона была замечательной женщиной, и он был намерен продолжить и углубить их знакомство.

– Разумеется, я не стану сожалеть.

– Ну тогда... тогда мне следует удалиться. – Фиона оглянулась на дверь библиотеки. – Иначе может получиться скандал, если нас обнаружат здесь вдвоем, а мне очень не хотелось бы начинать наши семейные отношения со скандала или сплетни.

Маркиз сделал серьезное лицо:

– Да-да, я тоже не хочу этого...

– Из чего следует, что теперь нам надо действовать быстро. – Фиона доверительно наклонилась к нему. – Я абсолютно уверена, что тот мужчина, за которого мой отец хотел выдать меня замуж, очень скоро появится здесь, и нам лучше пожениться до его появления.

– Безусловно, мы должны поторопиться.

Произнося эти слова, Джонатон отлично сознавал, что меньше всего его беспокоит отвергнутый соискатель руки, умерший отец и все, что из этого вытекает: он горел нетерпением увидеть лица друзей и насладиться их реакцией, когда они поймут, что ему все известно об их розыгрыше.

Между тем Фиона вытащила из-под перчатки визитную карточку и протянула ее Джонатону:

– Я написала свой адрес на обороте карточки. С момента приезда из Италии мы с сестрами живем у кузена, и я останусь там на ближайшее время... То есть до нашей свадьбы.

– Тогда я заеду к вам немедленно, и мы начнем приготовления.

– Приготовления? Но я не планирую пышной церемонии. – Фиона сделала паузу, как бы обдумывая детали. – Пусть это будет очень скромно и, главное, сделано как можно скорее.

– Согласен. Теперь, когда идеальная женщина найдена, я не могу дожидаться момента, когда получше познакомлюсь с ней. – Маркиз многозначительно улыбнулся.

На губах Фионы заиграла легкая улыбка.

– Я мечтаю познакомиться с вами поближе, Джонатон! – Она решительно шагнула к нему и, прежде чем он смог произнести хоть слово, обхватила ладонями его щеки и прижалась губами к его губам. Ее тело прижалось к его телу, и Джонатон ощутил ее формы через юбки, корсет и все те причиндалы, которые женщина вынуждена носить на себе.

Быстро отпрянув от него, Фиона одарила его лукавой улыбкой, которая вовсе не была похожа на улыбку невинной и хорошо воспитанной леди, способной пожертвовать собой, чтобы спасти своих сестер. Да и ее поцелуй не был столь уж невинным – скорее, пикантным и возбуждающим. Как жаль, что Фиона Фэрчайлд – всего лишь обманщица!

Повернувшись, Фиона выскользнула из комнаты.

– Великолепное представление, дорогая, – тихонько сказал ей вслед Джонатон и довольно хмыкнул. Теперь он с нетерпением ожидал того момента, когда увидит Оливера и остальных приятелей, а заодно и Джудит: очевидно, она тоже принимала участие в розыгрыше. Что ж, он разгадал их замысел и развернул столы в их сторону: теперь они в любую минуту смогут услышать отчет Фионы о том, что произошло в библиотеке.

Джонатон очень хотел бы видеть выражение на их лицах, когда Фиона расскажет им, что он согласился жениться на ней. Возможно, ему следует подождать, когда они придут к нему, чтобы признаться, что их заговор провалился, и попросить у него прощения.

Одна мысль о том, как друзья станут вариться в сваренном ими бульоне, вызвала довольную улыбку на лице Джонатона. Нет, он вовсе не против доброй шутки и даст им время для того, чтобы обдумать случившееся и решить, как можно все поправить.

С нетерпением ожидая предстоящую встречу с друзьями, Джонатон сделал большой глоток шампанского и рассеянно взглянул на визитную карточку, которую держал в руке. Мисс Фиона Фэрчайлд. Вероятно, это ее подлинное имя.

Он повернул карточку обратной стороной и прочитал адрес, красиво написанный твердой рукой. Дом на Бедфорд-сквер. Что ж, она выбрала престижный район. Кажется, на Бедфорд-сквер живет Оливер? Да, точно, это его адрес. Ничего удивительного, если он устроил этот розыгрыш, в этом есть резон.

Джонатон вдруг почувствовал легкое беспокойство.

«Мы с сестрами живем у кузена».

Или это было частью представления? Хотя вручать карточку с адресом Оливера – это, пожалуй, слишком. Но в конце концов, узнать место нетрудно, и тогда игра будет закончена, если...

Если это действительно шутка.

Конечно, шутка, а что же еще, размышлял Джонатон. Такая шутка непременно доставит удовольствие Норкрофту, Уортону и Кавендишу. Кстати, у Оливера и кухни-то нет. Или есть? Джонатон наморщил лоб.

По словам Фионы, ее мать была сестрой графа. Если он правильно помнит, тетя Оливера давно умерла, и она была замужем за каким-то дипломатом. Как его звали? Фаргейт? Фэрфакс?

У Джонатона вдруг остановилось дыхание.

Фэрчайлд!

О нет, только не это; он определенно ошибается. Оливер вполне способен на добрую шутку, но никогда не втянет члена своей семьи в нечто подобное.

Джонатон громко застонал. Фиона Фэрчайлд – кузина графа Норкрофта, и он дал согласие жениться на ней!

Его вдруг охватила невообразимая, безудержная паника. Ошибка, ужасная, кошмарная ошибка! Но может быть, Фиона, то есть мисс Фэрчайлд, все поймет и Оливер тоже?

Разумеется, если смехотворная история, которую она наплела, окажется правдой (а сейчас маркизу все больше казалось, что это таки правда), то эта женщина вряд ли пожелает освободить его от данного им слова. Она отчаянно хотела избежать неприемлемого для нее замужества, и, судя по всему, он ей понравился, о чем отчетливо свидетельствовал ее поцелуй.

Несмотря на свои заявления перед друзьями, в настоящий момент маркиз Хелмсли не испытывал ни малейшего желания жениться на ком бы то ни было. Он вспомнил о множестве вещей, которые ему хотелось осуществить до женитьбы, в результате которой неизбежно появятся дети. От одной лишь мысли о неизбежности этого Джонатона бросало в дрожь; вот почему он считал, что женитьба – нечто такое, к чему следует приближаться медленно, с большой осторожностью и осмотрительностью.

Тем более не следует давать согласие, находясь один на один с прекрасной незнакомкой, держа в руке бутылку шампанского и наивно веря, что он является объектом милой шутки!

Джонатон решительным шагом направился к двери. Определенно, он теперь станет мишенью насмешек до конца дней, если сейчас же не разыщет Фиону и не уговорит ее, чтобы она никому не рассказывала об их разговоре. Если сообщит подробности Оливеру или его матери, они могут в принудительном порядке женить его на этой красавице!

Джонатон быстро подошел к двери, распахнул ее и лицом к лицу столкнулся со своей сестрой Лиззи, леди Лэнгли.

– Ты, случайно, не видела... гм... кого-нибудь... – Он вытянул шею, пытаясь заглянуть ей за спину.

– Кого-нибудь? – Лиззи удивленно взглянула на брата и шагнула мимо него в библиотеку. – Ты имеешь в виду женщину – очень хорошенькую и слегка расстроенную?

– Да, – с готовностью подтвердил Хелмсли, не очень понимая, с чего это Фиона могла казаться расстроенной: когда она покидала библиотеку, на ее губах играла очаровательная улыбка.

А вдруг она передумала? Джонатон воспрянул духом. Возможно, она здраво подумала о том, что может принести брак с мужчиной, которого она впервые видит, в особенности с ним. А может, с учетом того, что она уклонялась от блаженства, которое несут брачные узы, почти столь же долго, как и он, мысль о предстоящем браке теперь кажется ей столь же пугающей, как и ему?

Впрочем, если Лиззи видела Фиону в коридоре, у него есть отличный шанс догнать ее.

– Прости, но я никого не встретила, когда шла сюда... – Голос Лиззи звучал холодно: сестра отнюдь не приветствовала его рождественские свидания.

– Ясно. – Джонатон огорченно вздохнул. Если Лиззи ее не видела, вероятно, Фиона уже возвратилась в бальный зал.

– А ты, случайно, не видел Николаса? – в свою очередь, спросила Лиззи.

– Николаса? – Джонатон напряженно вглядывался в глубь коридора, словно надеясь силой взгляда вернуть Фиону в библиотеку. Он мог бы попытаться отыскать ее среди гостей, но знал по прошлому опыту, что найти женщину среди поклонников в бальном зале в разгар вечера – задача почти невыполнимая.

– Я говорю о Николасе Коллингсуорте, твоём старом приятеле...

– Ну да, конечно! – Джонатон бросил последний тоскливый взгляд в даль коридора, после чего сунул визитную карточку Фионы в карман жилета.

У Лиззи свои собственные проблемы, и независимо от обстоятельств, в которых сейчас находился Джонатон, он обязан оказать сестре посильную помощь. Это был его долг, история которого уходила в далекое прошлое.

Тяжело вздохнув, Джонатон обернулся.

– Так что же? – нетерпеливо переспросила Лиззи. – Ты видел его?

– Мельком...

К тому моменту, когда он уладил дело Лиззи, было уже, по всей видимости, слишком поздно искать Фиону. Это означало, что следует зайти к Оливеру, у которого она проживала, как можно скорее, но как это сделать? Семейные празднества и ритуальные рождественские обязанности с последующим днем подарков займут по меньшей мере два дня, и раньше этого, решил Джонатон, ему вряд ли удастся ее увидеть.

Оставалось лишь надеяться, что за эти два дня ничего бесповоротного не произойдет, а дальше будет видно.

Глава 3

Спустя один, два или три дня, в зависимости от точки зрения и степени отчаяния...

– Ты не считаешь, что он передумал? – этот внезапный вопрос Дженевьевы Фэрчайлд словно повис в воздухе.

Джен сидела, откинувшись в кресле, ее взгляд был устремлен на журнал, который она держала перед собой. Все присутствовавшие в комнате отчетливо понимали значимость этого вопроса, но никто не решался подать голос. – Прошло два полных дня, с учетом сегодняшнего – три, а от Хелмсли ничего, никакой информации.

– Я не считаю сегодняшний день, – сказала Фиона, продолжая шагать по комнате, как она делала это вчера и позавчера в те непродолжительные моменты, когда праздничные мероприятия не занимали ее внимания. Тетя Эдвина пригласила в дом гостей и организовала всевозможные празднества, но Фиона не могла отключиться от переживаний, связанных с предстоящим замужеством.

София Фэрчайлд подняла глаза от вышивания и обменялась понимающим взглядом со своей сестрой-двойняшкой Арабеллой, которая что-то писала за письменным столом.

– На твоём месте я бы считала и сегодняшний день, – тихо проговорила Белл.

– Три дня – это долгий срок, – пробормотала Софи.

– Два дня! – отрезала Фиона. – Прошло только два дня, и один из них – Рождество. Другой – день подарков, его вообще можно не считать. Можно считать, что лорд Хелмсли и я пришли к согласию меньше чем всего один полный день тому назад.

– Если ты хочешь обманывать себя и жить в мире фантазий, эльфов и других созданий, которые не существуют, – сказала Джен таким тоном, словно она разговаривала сама с собой, – то никто тебе в этом не препятствует.

Фиона остановилась и посмотрела на сестру:

– Я не обманываю себя. Лорд Хелмсли – человек чести, и он согласился жениться на мне. Правда, это произошло даже быстрее, чем я ожидала; тем не менее маркиз согласился, и я абсолютно уверена, что он сдержит слово.

– В самом деле уверена? – Дженевьева отбросила в сторону журнал. – Тогда почему ты не сказала об этом Оливеру?

– У меня не было для этого возможности.

– Ты просто избегаешь встречи с ним, – вмешалась Арабелла. – Мы это сразу заметили.

– А вот и нет, – солгала Фиона.

Софи фыркнула, а Белл, вскочив, продела большие пальцы в воображаемые петлицы и, изменив голос, обратилась к сестре:

– Послушай, кузина, расскажи мне, что произошло между тобой и лордом Хелмсли, поскольку он один из моих самых близких друзей, а ты – член моей семьи.

– Ах, дорогой кузен Оливер, – голос Софи сделался неестественно высоким, – я хотела... – она протянула руку в умоляющем жесте, – хотела рассказать тебе все, но боюсь, что упаду в обморок.

Джен отошла чуть в сторону, и Софи театрально упала рядом с креслом.

– Бедная, бедная Фиона. – Джен погладила сестру по голове и изобразила тяжелый вздох. – Она такая хрупкая, а на ней лежит такая ответственность за то, что ее сестры до сих пор остаются одинокими...

– Не вижу в этом ничего смешного. – Фиона, не выдержав, все же усмехнулась. – Насколько я понимаю, Софи изображает меня, а Белл – Оливера, но кого, скажи пожалуйста, изображаешь ты?

– Тетю Эдвину, разумеется. – Джен сцепила ладони под подбородком и закатила глаза. – Ах, эта дорогая, мужественная Фиона! Она заботится об осиротевших сестрах, в то время как ей следует завести собственную семью. Кстати, – Джневьева улыбнулась, – тетя считает, что ты удивительный человек.

– Она считает, что я всего в одном шаге от того, чтобы навеки остаться старой девой, – уточнила Фиона. – Тетя Эдвина довольно деликатно заметила, что мне уже двадцать пять, а я все еще не замужем.

– Это будет недолго продолжаться при любом раскладе. – Софи неодобрительно посмотрела на сестру. – Ты рассказала Оливеру о завещании отца, так почему же ты не сказала об этом тете Эдвине?

– В этом случае тетя выдала бы тебя замуж за один день. – Белл мило улыбнулась. – И за отличного человека, могу поспорить. У нее несметное множество друзей, у которых есть подходящие сыновья, и все они женились бы на тебе не раздумывая.

– Согласна, это не вызвало бы особых трудностей. – Софи окинула Фиону критическим взглядом. – Тебе вряд ли можно дать больше двадцати.

– Спасибо. – Фиона огорченно вздохнула. – Я ни о чем не рассказала тете Эдвине, потому что ситуация неприятная и унижительная, и я предпочитаю, чтобы о ней знало как можно меньше людей. Кроме того, помощь Оливера предпочтительнее помощи его матери.

– Жаль только, что он кузен. – Джен озорно улыбнулась.

– Ну не совсем. – В голосе Белл почувствовалось оживление. – Его тетя, мать Фионы, была первой женой отца. А поскольку отец удочерил нас, когда женился на нашей матери, то тут нет кровного родства.

– Я отлично осведомлена об этом. – Джен вдруг задумалась.

– Немедленно выбросьте это из головы! – Фиона сурово посмотрела на каждую из сестер. – Оливер не может быть потенциальной партией для вас. Мы нуждаемся в семье здесь, в Лондоне, больше, чем в чем-либо еще. Он и его мать – это все, что мы имеем.

– А жаль, – пробормотала Софи.

– Кроме того, тетя Эдвина уже поговаривает о том, чтобы вывести вас в свет этой весной. – Теперь Фиона заговорила более спокойным тоном. – Я бы очень не хотела, чтобы вы пропустили сезон в Лондоне и все его прелести.

Джен посмотрела на брошенный журнал:

– Платья.

– Вечера, – добавила Софи.

– Джентльмены. – Белл рассеянно улыбнулась.

– Ладно, я не буду разочаровывать тетю Эдвину. – София села в кресло. – Она видит в нас дочерей, не так ли?

– Думаю, матери понравились бы планы тети Эдвины. – Джен кивнула. – А также то, что тетя Эдвина любит нас.

Мать девочек, мачеха Фионы, умерла вскоре после того, как Фионе исполнилось восемнадцать, Джен было десять, а близнецам по восемь. Младшие девочки большую часть жизни прожили без матери, и за эту короткую неделю в Лондоне тетя Эдвина заменила им ее. Эдвина была заботливой и мудрой, она обращалась с племянницами так, как это может делать лишь женщина, которая очень хотела иметь дочерей.

– Мы младше тебя, Фиона. У Джен, Софи и у меня достаточно времени, чтобы найти подходящих мужей. – Белл бросила многозначительный взгляд на сестру. – Конечно, насколько мужья будут подходящими, зависит от того, будет ли у нас приданое или нет...

– Я это отлично понимаю, – мрачно подтвердила Фиона.

– Может быть, тебе лучше нанести визит лорду Хелмсли, а не ожидать, когда он сделает это сам? – предложила Джневьева.

Фиона отрицательно покачала головой:

– Это неприлично.

– Неприлично? А просить его жениться на тебе прилично?

– Ты можешь привести сюда Оливера. – Софи вскинула подбородок. – Но прежде тебе придется рассказать ему.

– Да, видимо, этого не избежать. – Фиона и сама не понимала, почему ей так не хотелось рассказывать Оливеру о том, что произошло в библиотеке Эффингтон-Хауса.

Вполне возможно, она просто не хотела посвящать Оливера или кого-либо другого в свои переживания. Джонатон Эффингтон являлся, пожалуй, единственным мужчиной в мире, за которого она не возражала бы выйти замуж не только в нынешней ситуации. Это могло показаться абсурдным, если учесть, что за прошедшие девять лет она даже мимоходом о нем не вспомнила и никогда не рассматривала его в качестве потенциального жениха.

Сначала Фионе все казалось несложным. У них с Оливером родилась идея брака с Джонатоном, а дальше все просто. Ей осталось только сказать: вот, милорд, та самая женщина, которую вы всегда хотели, и она желает выйти замуж как можно скорее.

Однако наедине с Джонатоном произнести подобные слова оказалось гораздо труднее. Конечно, она иногда совершала безрассудные поступки, но все же...

Сейчас маркиз Хелмсли являлся единственным человеком, которого Фиона представляла в качестве своего мужа, и их свидание в библиотеке привело к тому, что ей захотелось обручиться с ним еще сильнее. Фиона давно задавалась вопросом, как может чувствовать себя леди, находясь в библиотеке в канун Рождества, а началось все с того момента, когда она увидела маркиза в этой комнате девять лет назад, когда вместе с семьей должна была отправиться во Францию. Ее родителей пригласили на рождественский бал в Эффингтон-Хаус, и хотя Фионе едва исполнилось семнадцать, ей тоже позволили присутствовать, потому что, как сказала мачеха Фионы, кто знает, когда еще у них появится возможность оказаться на балу в Лондоне.

Рождественский бал оказался именно таким, каким Фиона его представляла: каждую нишу украшали зелень и разноцветные ленты, повсюду слышались звуки музыки и веселый смех. Искусные танцоры кружились на танцевальной площадке, образуя бесконечный калейдоскоп ярких цветов и сверкающих драгоценностей. Дамы, одетые по последней французской моде, флиртовали с мужчинами в изысканных строгих костюмах.

Но самым блистательным джентльменом показался Фионе молодой Джонатон Эффингтон.

Фиона увидела его в дальнем конце зала, и у нее сразу захватило дух. Впоследствии она пришла к выводу, что скорее всего маркиз не был самым красивым или обаятельным, но что-то в его манерах выглядело неотразимым, он словно был окружен каким-то особым светом.

Фионе понадобился по крайней мере час, пока она решила приблизиться к маркизу, чтобы всего лишь пожелать ему веселого Рождества. В последующий год она прибавила почти два дюйма в росте, и ее несколько полноватая фигура приобрела большую привлекательность, однако в тот сочельник Фиона первой вынуждена была признать, что похожа, скорее, на перезрелую рождественскую сливу. Тем не менее с отчаянностью девушки ее возраста она решила, что должна по крайней мере познакомиться с маркизом Хелмсли.

Когда она увидела, что Джонатон выходит из бального зала, ей удалось незаметно покинуть родителей. В конце концов, возможно, сама судьба позволила ей оказаться на этом балу.

Из-за угла Фиона увидела, что маркиз взял у слуги бутылку и бокалы и проследовал дальше. К счастью, она успела спрятаться за декоративной пальмой, тем самым избежав встречи с проходившим мимо слугой.

Пройдя через холл, Фиона услышала женский смех, долетавший из полуоткрытой двери, и, прижавшись к стене, осторожно заглянула в комнату.

То, что она увидела, привело ее в смятение. Маркиз нежно обнимал женщину сомнительной репутации, и она отвечала ему тем же.

Едва не вскрикнув, Фиона отпрянула от двери. Даже сейчас она ощущала испытанный ею шок и краснела при воспоминании о своих дальнейших действиях. Она решила заглянуть в библиотеку второй раз и убедиться, что ей это не показалось; лишь затем она вернулась в зал в весьма удрученном состоянии.

Некоторое время Фиона тосковала по Джонатону, но волнующие впечатления от последовавшего вскоре путешествия и жизнь в Париже помогли ей забыть все огорчения.

Прошли годы, ее нескладная фигура округлилась, оранжевые волосы несколько потемнели, и молодые люди весьма активно стали искать ее расположения. В итоге она полностью забыла Джонатона Эффингтона, и так продолжалось вплоть до нынешнего дня.

– Да, разумеется. Это необходимо сделать. – Фиона пожала плечами. – Я расскажу Оливеру о желании лорда Хелмсли жениться на мне, после чего мы отправимся к нему с визитом.

– Хорошо. – Джен одобритительно кивнула, затем встретилась с сестрой взглядом. – Мы благодарны за все, что ты хочешь сделать для нас, но...

– Но это кажется не слишком... правильным. – Белл вздохнула. – Ты не должна жертвовать собой и соединять свою жизнь с человеком, тебе неприятным, только из-за того, что наш отец был сумасшедшим.

Фиона ахнула:

– Арабелла Фэрчайлд!

– Ну, может быть, не совсем сумасшедшим, – Белл пожала плечами, – однако определенно не в своем здравом уме. Иначе как он мог обречь своего ребенка на брак без любви?

– Прежде мы не говорили о любовной стороне дела. – Софи подошла к Фионе и внимательно посмотрела ей в лицо. – Разве ты не думала об этом? Разве ты не хотела бы выйти замуж за мужчину, которого любишь и который любит тебя?

– Конечно, хотела бы, но... – Фиона сделала паузу, пытаясь собраться с мыслями. – За почти десять лет взрослой жизни я так ни в кого и не влюбилась. Если бы это произошло и я вышла замуж, мы не оказались бы в такой неприятной ситуации. Вот почему сейчас у меня нет выбора. К тому же все может обернуться к лучшему: лорд Хелмсли – отличная партия. И вообще, если бы мне не подвернулась возможность влюбиться сейчас, осмелюсь предположить, что я никогда бы не влюбилась.

– Так ты считаешь, что можешь полюбить лорда Хелмсли?

– Со временем, вероятно, да.

Когда-то давно Фиона воображала, что уже влюбилась в маркиза, правда, тогда она была очень молода, не знала по-настоящему, что такое любовь. Вряд ли сейчас она знала это намного лучше, но, во всяком случае, они с Джонатонем говорили наедине. И даже поцеловались. На самом деле все было очень мило, и маркиз вел себя исключительно любезно.

– По крайней мере я не нахожу в маркизе Хелмсли ничего такого, что вызывало бы отвращение. Он достаточно красив и привлекателен...

– Вот как? – пробормотала Джен.

Сестры явно испытывали раздражение от того, что им не позволили посетить бал. Всею виной была Эдвина, у которой родились грандиозные планы в отношении их дебюта весной.

– Вы познакомитесь с ним довольно скоро, – твердо сказала Фиона. – Решено: я найду Оливера и все ему расскажу, после чего мы вместе нанесем визит лорду Хелмсли.

Фиона направилась к двери, но Софи придержала ее за руку.

– Ты уверена, что действительно хочешь этого?

– Наверняка есть иной путь, – присоединилась к сестре Джен. – Просто мы пока не нашли его...

– Мы ведь можем пойти работать. – Белл закрыла глаза, как бы вознося молитву о том, чтобы найти в себе силы осуществить то, что собиралась сказать. – В качестве горничных, например.

– Вряд ли ты смогла бы сделать это, – пробормотала Софи.

Фиона удивленно посмотрела на сестер:

– Откуда такая паника? Мы в течение многих недель знали, что этот день придет.

– Да, но когда он пришел, мы почувствовали себя ужасно. – В голосе Дженевиэвы послышались искренние нотки.

– Да-да, ужасно, – подтвердила Белл, но уже не так уверенно. После этого она направила скептический взор на Фиону. – Боюсь только, что в качестве горничной я не слишком преуспею, да и остальные тоже.

– Из нас получатся ужасные горничные, это точно. – Софи вздохнула. – Однако это все же лучше, чем всю жизнь страдать от ощущения вины.

Фиона вскинула бровь:

– Я надеюсь, что вы все же сумеете выжить. – Она повернулась, собираясь уйти, но на пороге оглянулась. – Как, впрочем, и я.

– Прошу тебя, Оливер, скажи, что это была шутка, – произнес Джонатон, нервно расхаживая по гостиной.

Оливер резко обернулся.

– Ну хорошо. Это шутка.

– Слава Богу! – Джонатон с облегчением опустил в ближайшее кресло. – Я так и думал, что это был некий розыгрыш, учиненный тобой, Уортоном и Кавендишем при содействии Джудит. Правда, Фиона дала мне визитную карточку, и на ней был твой адрес...

– А что за шутка, позволь узнать? – поинтересовался Оливер.

Джонатон ощутил спазм в желудке.

– У тебя есть кухня по имени Фиона Фэрчайлд?

Оливер некоторое время молча смотрел на друга, затем его лицо разгладилось.

– Разумеется, есть.

Джонатон застонал:

– Тогда я обречен.

– Обречен? – Оливер изумленно вскинул бровь. – Как я понимаю, это связано с твоим свиданием с Фионой во время рождественского бала, верно?

– Как ты мог мне такое подстроить? – завопил Джонатон. – Ведь я твой друг! – Он воздел руки к небу. – Кажется, у тебя не так уж много друзей, чтобы позволить себе потерять одного из них.

Оливер засмеялся:

– Значит, все прошло хорошо?

– Кажется, ты все еще не понимаешь серьезности создавшегося положения.

Оливер подошел к небольшому шкафчику и извлек из него бокалы и графин, он отлично понимал, что сейчас его друг очень нуждается в сильнодействующем успокоительном средстве.

– Как я могу все воспринимать должным образом, если до сих пор не имею понятия о том, что произошло между тобой и моей кузиной? Я знаю лишь, что это была обычная для тебя забава накануне Рождества. – Оливер укоризненно посмотрел на Джонатона. – Хотя Фиону я привык считать скорее сестрой, чем кузиной, и всегда проявлял к ней братскую заботу.

– Ничего себе забава, – пробормотал Джонатон. То, что происходило до сих пор, вероятно, можно было так назвать, но в данный момент речь шла совсем о другом. – Значит, она тебе не рассказала?

– Не сказала ни слова. – Оливер наполнил бокалы. – Всякий раз, когда я пытался серьезно поговорить с ней, Фиона переводила разговор на другую тему или просто уходила от меня. – Он протянул бокал Джонатону. – Женщины вообще очень ловко умеют уклоняться от прямого разговора.

Вспомнив очаровательную улыбку Фионы, Джонатон сделал глоток и обнаружил, что в отношении качества и крепости виски просто великолепно. Затем, после минутной паузы, спросил:

– Так Фиона не сделала никаких заявлений? Ничего решительно?

– Абсолютно никаких. – Оливер удобно расположился в кресле напротив кресла Джонатона. – А какие решительные объявления могли последовать?

Джонатон наклонился к другу:

– Клянусь могилами своих предков, я думал, что она участница розыгрыша. – Он вдруг вскочил и быстро зашагал по комнате с бокалом в руке. – Ты, Уортон и Кавендиш наняли какую-то женщину и...

Оливер вдруг нахмурился.

– Красивую женщину, – быстро добавил Джонатон, как будто комплимент в адрес кузины приятеля мог исправить ситуацию. – Например, актрису.

– Ты подумал, что Фиона актриса?

– Великолепная актриса. Я подумал, что она блестяще играет свою роль. – Джонатон умоляюще посмотрел на друга. – А эта смехотворная история, старина? О завещании ее отца...

Оливер кивнул.

– Ты уверен? Так это не попытка с ее стороны заманить меня в западню? Меня многие считают вполне завидным женихом.

– Нескромно, но факт, – подтвердил Оливер. – И все же ты не единственный жених в Лондоне с титулом и хорошим состоянием. Безо всяких усилий я мог бы назвать еще нескольких. Например, у Фредди Хартсхорна перспективы не хуже твоих, и он, без сомнения, ухватится за возможность жениться на леди с родословной Фионы, не говоря уже о ее внешности.

– Ладно, перестань! Хартсхорн – коротышка, и к тому же у него волосы еще более рыжие, чем у нее, а их дети будут похожи на морковку. – Джонатон пренебрежительно махнул рукой. – И вообще он идиот...

– Как, вероятно, и ты. – Оливер сделал выразительную паузу. – Это была идея не Фионы – вспомнить о тебе, а моя.

Джонатон снова застонал.

– Зачем? Зачем ты это сделал?

– Я пытался оказать тебе услугу. Моя кузина имеет все качества, которыми, по твоим собственным заявлениям, должна обладать твоя будущая жена.

– Вероятно, это действительно так, – нехотя признал Джонатон. За последние два дня он успел понять, что Фионе потребовались немалое мужество и незаурядная решимость, чтобы обратиться к нему лично. Очевидно, у этой женщины есть характер.

Джонатон снова сделал глоток виски.

– Но пойми, я не хочу жениться.

– Вот как? Но разве не ты повторял много раз...

– Я лгал. – Джонатон беспомощно пожал плечами. – Я сам не понимал, что лгу, пока не столкнулся лицом к лицу с правдой и... с необходимостью жениться. – Он снова зашагал по комнате. – Я не готов к женитьбе, Оливер. Да, я знаю, что это мой долг и все такое, но я еще молод...

– Тебе уже тридцать два.

– Да, но мужчины могут жениться в любом возрасте. Мы не то что женщины и выглядим гораздо лучше, несмотря на годы. Зато теперь я определенно не такой зеленый юнец, каким был десять лет назад.

– Ты стал старше, но не мудрее...

– До последнего момента я думал иначе.

– Ну так что конкретно произошло между тобой и моей кузиной? – медленно спросил Оливер. – Молчание Фионы заставляет меня думать, что она потеряла самообладание или что ты сразу же отверг ее.

– Боюсь, все произошло не совсем так, – пробормотал Джонатон.

Оливер вопросительно посмотрел на приятеля, и Джонатон, словно собираясь с силами, сделал глубокий вздох.

– Я согласился жениться на ней.

Оливер мгновенно заулыбался и поднял бокал.

– Хороший конец истории, старина! Должен сказать, ты заставил меня изрядно поволноваться в течение нескольких минут.

– Но я думал, что все лишь представление, розыгрыш.

– Нет, это не розыгрыш.

– Теперь-то я и сам знаю, но тогда... – В голосе Джонатона вдруг зазвучала нотка надежды. – Следовательно, я могу утверждать, что, поскольку согласие получено обманным путем, оно недействительно.

Оливер с недоумением уставился на Джонатона, словно не веря услышанному:

– Ты, случайно, не забыл, что имеешь дело с женщиной, которая пытается избавиться своих сестер от нищеты?

– При чем тут я? Ты глава семейства и должен их обеспечить. Разве они не могут и дальше жить с тобой?

– В качестве бедных родственников? – Оливер покачал головой. – Это как раз то, чего Фиона пытается избежать. У нее и у ее сестер достаточно гордости, чтобы согласиться на это.

– Зато женить на себе абсолютно незнакомого мужчину гордость, по-видимому, не мешает... – резко заметил Джонатон.

Оливер прищурился:

– Осмелюсь предположить, это было очень непросто для нее.

Джонатон помолчал, затем покаянно вздохнул.

– Вероятно, ты прав, приношу мои извинения. – Маркиз снова вздохнул. Если бы он не был таким болваном и не стал бы приписывать моменты колебания или неловкости, которые уловил в глазах Фионы, хорошей актерской игре, то мог бы понять истину не тогда, когда стало уже поздно, а гораздо раньше. – И все же это было недоразумение. Ужасное, кошмарное недоразумение. Она наверняка это поймет, и тогда...

– Что тогда? Прости, но я не понимаю. – Оливер медленно поднял глаза на приятеля.

– Ты говоришь, что попросил мою кузину выйти за тебя замуж...

– Я согласился жениться на ней, – поправил его Джонатон. – Она сама попросила об этом.

– Тем не менее обещание дано, не так ли?

– Да, но...

– В таком случае ты обязан это сделать, поскольку связан долгом чести.

– Скажи лучше – попал в ловушку. – Джонатон быстро допил виски. – Да-да, в ловушку, как крыса. – Он стукнул бокалом о стол и устремил обвиняющий перст на приятеля: – Это ты виноват, что я оказался в такой переделке, и, значит, должен помочь мне из нее выбраться.

– Боюсь, тут ты ошибаешься: я скорее рад, что ты женишься на моей кузине. Что до вины, в этом деле она всецело лежит на тебе, Джонатон. – Оливер с минуту молча смотрел на приятеля. – Она лгала тебе? Может, она выдавала себя за другую женщину? Она соблазнила тебя, угрожала, была нечестной по отношению к тебе?

– Нет, она была чертовски соблазнительной. – Джонатон вздохнул. – И абсолютно честной, но я этого не знал.

– Зато теперь ты знаешь все. Добро пожаловать в нашу семью.

– Нет, Оливер. – Джонатон энергично замотал головой. – Независимо от того, насколько идеально твоя кузина подходит мне, я не женюсь из-за какой-то ошибки. Разумеется, я дам ей понять, что...

– Кому вы дадите понять? – послышался от двери женский голос.

Джонатон поспешно повернулся к двери и затаил дыхание. Фиона выглядела столь же очаровательно при свете дня, как и при газовом освещении.

– Добрый день, мисс Фэрчайлд. – Джонатон постарался придать лицу официальное выражение.

– Здравствуйте, Джонатон.

Она улыбнулась, и словно весь мир засиял вокруг нее. В ее движениях угадывалась неземная грация, и двигалась она, как будто вообще не касаясь пола.

– Я так хотела снова увидеть вас!

Тут Фиона протянула руку, но маркиз, казалось, оцепенел и лишь молча смотрел на нее. Где-то на обочине его сознания брезжила мысль, что он действительно идиот, раз в этот момент хочет только одного – растаять у ног богини в елее восхищения и желания!

В этот момент Оливер резко толкнул его локтем в бок.

– О, разумеется, я тоже! – Джонатон поспешно взял руку Фионы и поднес ее к губам. Ему стоило невероятных усилий не потеряться в зеленой глубине ее глаз; только тут он понял, что, несмотря на всю нелепость ситуации, действительно мечтал увидеть ее снова.

Вот только если он не мобилизует свои мозги, его женят раньше, чем он успеет придумать, как выйти с честью из этого нелепого положения. Маркиз резко опустил руку Фионы.

– Надеюсь, вы в добром здравии, мисс Фэрчайлд?

Уловив подчеркнuto вежливую нотку в его голосе, Фиона слегка прищурилась.

– Да, благодарю вас. А как вы себя чувствуете?

– Отлично. – Джонатон поморщился. Он говорит как форменный идиот!

Впрочем, он и чувствовал себя законченным идиотом. Даже то, что ни один мужчина не смог бы сказать очаровательной молодой женщине, что не намерен на ней жениться, не слишком утешало его. И все же он мог бы сделать это хотя бы с меньшим энтузиазмом.

– Погода также исключительно хороша, – послышался задумчивый голос Оливера, и его глаза весело сверкнули. – Тем более мне не хочется предполагать, что вскоре может повалить снег. Как ты думаешь, Хелмсли, может пойти снег или нет?

– Может, и еще как. – Маркиз с облегчением кивнул. Погода оказалась как нельзя кстати, поскольку это была вполне безопасная тема. – В воздухе чувствуется возможность перемен.

Фиона перевела взгляд с Джонатона на Оливера.

– Должен сказать, что я нахожусь сейчас в затруднительном положении. – Оливер задумчиво покачал головой. – Один из моих ближайших друзей попросил моего содействия. С другой стороны, моя кузина, одна из немногих моих кровных родственниц в этом мире, нуждается в моей помощи. В итоге мои симпатии разделились поровну. Пожалуй, я сделаю то, что сделал бы любой разумный человек в моем положении: оставляю вас вдвоем разбираться в том, в чем вам необходимо разобраться без меня. – Оливер не спеша направился к двери, но на полпути обернулся. – Однако я буду на таком расстоянии, что вы сможете меня позвать в любую минуту, если кому-то из вас это понадобится.

С этими словами Оливер вышел из гостиной.

Некоторое время Фиона внимательно разглядывала маркиза, он изо всех сил сдерживал желание начать переминаться с ноги на ногу, как это делают маленькие дети.

Наконец он, не выдержав, кашлянул, и это словно послужило сигналом.

– Так что вы хотите сказать? – спросила Фиона тоном, более уместным для школьной учительницы, чем для пылающей страстью красавицы.

– Я полагаю, у нас есть проблема.

– И какого рода эта проблема?

– Я не вполне уверен, что способен это объяснить, – произнес Джонатон чуть слышно. – Мне в самом деле очень неудобно.

– Надеюсь, теперь вы понимаете, насколько это было неудобно для меня, когда мы разговаривали в последний раз? – Фиона скрестила руки на груди. – Очевидно, теперь настала ваша очередь.

– Очевидно. – Маркиз с трудом заставил себя посмотреть ей в глаза. – Полагаю, я должен быть абсолютно честен с вами.

– Как я была честной с вами.

– Да, верно. Но в том-то и заключается проблема. Я не знал, что вы были честны.

Фиона изумленно вскинула бровь:

– Вы не знали? И что же вы думали?

– Я думал... гм... как бы это сказать... – Джонатон с шумом втянул в себя воздух. – Я думал, что вы актриса.

– Актриса? – Фиона некоторое время удивленно смотрела на него, затем громко расмеялась: – Актриса?

– Именно. Очень хорошая актриса, поверьте! – Джонатон полагал, что лесть сейчас отнюдь не повредит.

– Неужели я была настолько хороша, как, скажем, Сара Вулгар или Мэри Энн Кили?

– Нет, гораздо лучше! – Джонатон почувствовал, что перебарщивает, но в этот момент он просто не мог остановиться.

– Славу Богу. – Фиона милостиво улыбнулась. – Неприятно думать, что ты не слишком хорош в выбранной тобой профессии.

– Повторяю, вы были великолепны! – Произнося эти слова, Джонатон испытал облегчение. Фиона явно не выглядела расстроенной, так что, возможно, все окажется проще, чем он ожидал.

– Благодарю, хотя я несколько смущена. Почему вы подумали, что я актриса?

– К такому выводу меня заставили прийти сразу несколько вещей...

– Прошу вас, продолжайте.

– Во-первых, вы оказались в библиотеке, хотя там я надеялся встретить леди Честер. – Джонатон заговорщицки наклонился к ней. – Именно такие проделки я считаю наиболее забавными.

Глаза Фионы открылись чуть шире, от чего она сделалась еще привлекательнее.

– Прodelки?

– Ну да, разумеется. Затем было упомянуто имя Оливера и прозвучало утверждение, что вы являетесь идеальной партией для меня. Понимаете, не более двух недель назад он и другие...

– Другие?

– О да! Уортон и Кавендиш – вполне достойные люди, но временами они любят подстроить какую-нибудь шутку.

– В самом деле?

– Да, именно так. Если хотите, я могу рассказать вам... – Джонатон вдруг замолчал и лишь через мгновение продолжил: – Нет, полагаю, это было бы неуместно.

– А вы все же попробуйте...

– Во всяком случае, последний раз мы разговаривали о неизбежности женитьбы. Это произошло не далее двух недель назад, и я сказал, что не против того, чтобы вступить в брак. Когда я найду женщину, полностью отвечающую моим требованиям, я непременно женюсь на ней. – Маркиз бросил на собеседницу многозначительный взгляд. – Вот отчего, как только вы представили себя в качестве идеальной невесты, я решил, что это розыгрыш.

– Розыгрыш... – медленно повторила Фиона.

– И притом очень остроумный, смею добавить. – Он хмыкнул. – Весь этот вздор о вашем наследстве и приданом ваших сестер, которое вы не получите до тех пор, пока не выйдете замуж, – это просто восхитительно, как и история о вашем отце, который так нелепо устраивал ваш брак.

– Вы действительно думали, что все это вздор?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.